

The background of the entire cover is a dramatic, dark teal-toned photograph. The upper portion shows a turbulent sea with white-capped waves crashing against a dark, rocky shore. The lower portion shows a small, crowded boat with several people inside, struggling in the rough, churning water. The overall mood is one of danger and survival.

Владимир СТОГОВ

Это сладкое слово –
КАМЧАТКА

2003–2008

18+

Владимир Стогов

Это сладкое слово – Камчатка

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Стогов В. Г.

Это сладкое слово – Камчатка / В. Г. Стогов — «ЛитРес:
Самиздат», 2008

История из жизни молодого специалиста, приехавшего работать в один из самых далеких и чудесных уголков СССР.

Светлой памяти Николаенки Виталия Александровича,
павшего – с фоторужьём наперевес! – от лапы камчатского медведя,
и Раимова Таджикиба Бакировича,
сгинувшего – без следа – в мутноводох Семлячикского лимана посвящается эта книга.
Автор

У-у-у! Это сладкое слово – Камчатка!

Виктор Цой

Часть первая

СИЯЮЩИЕ СНЕГА

Г л а в а П Е Р В А Я

«Она была чиста, как снег зимой, в грязь...» – дальше он не помнил.

То есть, Владимир Высоцкий был его любимым бардом, и многие из его песен Груздев заучил наизусть. Многие, но не эту, видимо потому, что доселе подобная тематика лично его как-то не особенно и задевала. Обновить же в памяти текст, поставив соответствующую кассету, он не мог – в доме у него не было магнитофона. «Зри в корень» – не было и электричества! И само это злополучное письмо было доставлено шальным, случайным вертолётном, удостоившим их своим посещением единожды за истекший месяц.

А ведь весь последний год Груздев почитал себя счастливейшим из смертных! В самом деле, у него была настоящая мужская работа, свой персональный – впервые в жизни! – домик над океаном, а также любимая девушка. Да что там девушка – невеста и в обозримом будущем молодая жена, хранительница домашнего очага, ближайшая сподвижница и наперсница.

И вдруг в одночасье всё рухнуло... Он вновь подобрал скомканное и отброшенное в дальний угол (но хоть не спалённое им в сердцах!) сверхлаконичное её письмо и, тщательно разгладив ребром ладони на столешнице, принялся осмотрительно и вдумчиво в него вникать. Да, покаянное, горько сожалеющее об утраченном, с неряшливо – в местах оросивших его слезинок! – расплывшимися чернилами; педантичная по своей натуре «его» Маринка и на этот раз писала не шариковой, а перьевой авторучкой...

Но из всего этого следует, что далеко ещё не всё для него, Груздева, потеряно. А ну как всё здесь бросить, ринуться наобум, примчаться к ней туда без приглашения, образцово-показательно набить счастливому сопернику морду, взять её за руку и увезти? Мечты-мечты... Но, предвкушая чтение вот этого (а тогда ещё просто очередного) её письма как сугубо домашнее, интимное удовольствие, он с лёгким сердцем помахал улетающему борту ручкой. Следующей же транспортной оказии, очень даже просто, можно прождать ещё с месяц. Не сезон – и этим всё сказано.

Тем не менее его взрывной, холерический темперамент требовал немедленного выхода, битья, действия! И поскольку никого иного из сложившегося любовного треугольника в радиусе ближайших двух-трёх тысяч километров кроме самого Груздева, попросту не просматривалось, то пинать и охаживать, пусть даже чисто умозрительно, принялся себя первого...

Да, он остановил свой выбор на доброй и хорошей девушке, сызмальства влюблённой в неповторимую дальневосточную природу и равнодушной к нашим братьям меньшим, но по сути своей – законченной горожанке. То есть она бы ещё могла сюда к нему заскакать по сезону как на дачу, как в увлекательный турпоход наконец. Но, положила руку на сердце, представить её молодой хозяйкой в этом его домике? Или в ихнем милом Жупанове? Иными словами, без магазинов, парикмахерской, поклонников, тусовки, телевизора и даже без лампочки Ильича? Нет, это про кого угодно, но только не про Истомину Марину сказано...

Далее, сам их роман был закручен с совершенно непомерным – даже для последней четверти XX века! – географическим размахом. В самом деле, около двух лет тому назад он, в ту пору вполне преуспевающий инженер-геохимик одной Подмосковной научно-производственной организации, и она, студентка-практикантка Дальневосточного университета, впервые увидели друг друга, а вскоре и более тесно познакомились в геологическом поле под Комсомольском-на-Амуре. Второе – очень решительное! – и растянутое на целую неделю свидание произошло, когда она без предупреждения нагрянула к нему в подмосковные Бронницы на зимние студенческие каникулы. И наконец, двухнедельный визит самого Груздева в славный город Владивосток, после которого оба они, не сговариваясь, стали считать себя женихом и невестой.

И в-третьих, но, как сейчас ему вдруг это представилось, оно же и во-первых, и во-вторых, именно в свой владивостокский приезд он лишил её невинности. И как раз в этом своём новом для себя качестве – молодой женщины – его Маринка при первом же мало-мальски серьёзном натиске (со стороны) и сдалась... А ведь будучи девственницей из-за органически присущей ей боязни дефлорации, по инерции или даже из благородного желания ему, Груздеву, свою непорочность в качестве главного свадебного подарка преподнести прежняя его Маринка очень даже за себя бы постоять смогла.

И уже вовлекаемый новыми эмоциями и чувствами вот в это русло воинствующей девственницы, а не столь сладких и привычных ему на протяжении целого года воспоминаний об одиннадцати владивостокских ночах Груздев воссоздал перед своим внутренним взором бронницкий её визит.

Начать с того, что и он проходил под счастливой для них обеих звездой: ведь именно в ту пору Груздев оказался полноправным обладателем ключей от меблированной двухкомнатной квартиры – женатая пара его друзей-приятелей отбыла в длительную заграничную командировку. А на другой день Маринкиного появления Груздев сумел пробыть у себя в экспедиции недельный отпуск за свой счёт. И понеслось: с утренней электричкой – час езды до Казанского вокзала – они убывали в центр и день напролёт насыщались там музеями, выставками, просто любимыми груздевскими уголками, а пропустив вечерний вал пик и затарившись столичными деликатесами, возвращались под гостеприимный кров. И здесь уже начиналась своя интрига...

Дело в том, что ещё в пору первого их знакомства в геологическом поле Груздев, едва удостоверившись, что судьба свела его с настоящей девушкой, событий отнюдь не форсировал. Ему было дано понимание: что уж если он из неё сумеет (а сам он этого и хотел, и верил!) вырастить для себя невесту, то стоит с толком и с наслаждением пройти весь этот трепетный путь шаг за шагом. И на первых порах у них просто было много романтики: с незаходящими за полночь кострами под гитарный перезвон, с танцами при луне и прощальным – «спокойной ночи» – поцелуем на рассвете. Конечно, вокруг в изобилии произрастали кусты, и те, кто желали, использовали их по назначению... Но, первая брачная ночь и комары? – вот как раз-то в этом Груздев был настоящим романтиком.

И вот наконец, казалось, всё к тому располагало. Но девушка опять выглядела – не готовой...

– Так неужели ты о возможности таких отношений, нагрянув сюда ко мне, двадцатипятилетнему мужчине, совсем не думала? – слегка кипятился и искренне недоумевал Груздев.

– Нет, – порой она бывала на удивление лаконичной; и что у неё на самом деле там, в этой симпатичной, гладко причёсанной головке?

Но на «нет» и суда нет: и первые две ночи Груздев исподволь, понемногу её к себе приучал... По-спортивному развитая физически и красивая не только лицом, но и телом Маринка во всём, что касается обнажёнки, вела себя – на удивление! – зажато и скованно. Но уже на третий вечер, а день выдался ветреный и морозный, и они возвратились домой по ускоренной программе, до вечернего часа пик, итак, намёрзшись за день, дева долго отогревалась, при-

строившись прямо на ковре подле электрокамина и будучи одетой в одну лишь полотняную ночнушку до пят. При этом, пока была зажжена многосветильниковая верхняя люстра, ночная рубашка совсем неплохо драпировала главные её прелести, но стоило Груздеву из комнатного освещения оставить один настенный ночничок, как красноватые каминные блики и отсветы – именно по отношению к материи – начали действовать наподобие рентгена... Но для мужчины по-прежнему оставалось загадкой: красуется ли она перед ним сейчас осознанно, принимая одну позу завлекательнее другой, или же бездумно, по-звериному, нежится в инфракрасном излучении, подставляя ему то бочок, то задок?

Но вот она вдосталь у тепла нанежилась и, обратя к нему глазастое личико, попросила: – Помоги! – одновременно с этими словами протягивая Груздеву и руку.

Он галантно подскочил на её зов и попробовал приподнять с пола за руку, а она – не поддавалась! – девушка, оказывается, была настроена игриво. От неожиданности он совсем было потерял равновесие; при этом оба они – чудом! – на камин не обрушились... Но выправился и с неотвратимой решимостью подхватил далеко не миниатюрную деву на руки, с лёгкой натугой донёс до стоящей в этой же комнате и уже разложенной на ночь тахты, а уж на ней-то они тогда всласть побарахтались! При этом в ходе полусутолстого, но ожесточённого сражения длиннополая её ночнушка сбилась заведомо выше пояса и... – на какой-то краткий миг! – как ему показалось, всё у них по полной программе произошло. Во всяком случае, сам молодой человек финишировал...

Деликатно сознавая, что ни его – повторные за одну ночь! – притязания равно и излишние расспросы новоявленной женщине покажутся едва ли уместными, Груздев с сознанием исполненной миссии довольно быстро тогда заснул. А наутро всё никак не мог оторвать горделивого мужского взора от красноватого овального пятна, вызывающе украсившего её светло-голубую ночнушку аккурат посередине.

Но она, перехватив один из таких вот многозначительных взглядов, неожиданно вылила на него свой отрезвляющий ушат:

– Это вовсе не то, что ты думаешь. Просто у меня этой ночью неожиданно начались месячные...

Которые благополучно и продлились до самого её отъезда.

Г л а в а В Т О Р А Я

Отстрадав положенные природой и А.П. Чеховым три дня, Груздев написал невесте ответное письмо, отпускающее ей все её грехи. Написал так, как и следовало написать: деликатно и сдержано, но и вместе с тем уверенно, по-мужски.

Запечатал в весёленький, с малиново-голубой оторочкой авиаконверт и отнёс на расположенную в полутора километрах от них, на краю всё того же Жупанова, погранзаставу. К погранцам краснозвёздный вертолёт в зеленовато-камуфляжной окраске навевывался – по погоде – каждые несколько дней. Правда, влезть в него пассажиром стороннему лицу в те годы было примерно то же, что записаться в отряд космонавтов. А вот почту от соседствующих организаций они забирали довольно охотно. Таким образом, с личной жизнью у Груздева на энный промежуток времени всё было законсервировано...

Но, как это с ним частенько случалось, затяжные и чрезмерные эмоциональные переживания властно потребовали интенсивной и немедленной физической нагрузки, полноценного мужского действия. Между тем по всему заповеднику мартовские учёты были завершены, а все «дневники наблюдений» по ихнему лесничеству лично им перепроверены и уже отправлены. Блаженное межсезонье – лафа для лесников и всей вышестоящей по рангу лесоохраны на местах.

И как раз на такой случай у Груздева ещё с прошлого года был задуман примерно недельной протяжённости маршрут, призванный совместить приятное для себя с полезным для заповедника. И дело оставалось за малым – убедить в последнем своё непосредственное начальство.

Таковым у них в Жупанове являлся двадцатишестилетний лесничий Сергей Яценко. Чистокровный хохол из Приморской глубинки, имеющий лесотехнический факультет Уссурийского сельхозинститута за плечами и фигуру борца-тяжеловеса, Серёга мог бы быть неплохим парнем. Но он прибыл сюда по распределению уже женатым человеком...

А не успел приехать, как его – тут же! – глубоко уязвили и обидели, зачислив ему в штат лесничества собственную жену (окончившую то же учебное заведение по той же, что и у него специальности, к тому же с красным дипломом!) всего лишь... лесником. При этом, правда, подразумевалось, что как только освободится вакансия зама лесничего – в общем, нужно немного подождать. Яценки прождали с год; вакансия открылась; и тут им, как снег на голову, свалился Груздев – этим самым замом и назначенный! С тех самых пор претензиям Хохла к вероломному заповедническому начальству и его же незатухающей обиды на весь окружающий мир не стало предела...

На этих мотивах, в общем-то, и собирался вести свою игру Груздев, входя с лёгкого морозца в чрезмерно просторные – для двоих – и жарко натопленные хоромы четы Яценков:

– Дома есть кто? Хо-зя-ева!

– Есть-есть. Проходи, коли зашёл. Здорово! – неожиданно возникший из бокового придела Хохол (они были почти одного роста, но лесничий во всём, кроме высоты, выглядел значительно габаритней) исподлобья окинул своего зама испытующим взглядом и руки для приветствия не протянул...

А тому не больно-то и хотелось:

– Привет! Я вот чего зашёл, у нас по лесничеству какой-нибудь настоящей мужской работёнки на ближайшую неделю не предвидится?

От такого запроса Хохол даже слегка опешил, но виду постарался не показать, помолчал многозначительно, собираясь с мыслями:

– Да нет ни х-чего. Из города – молчок. Ну, а мы сами сидим и никуда не рыпаемся. В принципе нам на мозги сверху никто не капает...

– Вот и я к тому, чтобы они окончательно не заржавели. Неплохо бы, к примеру, медведицу с медвежатами-сеголетками в пята потропить, на предмет обнаружения родовой берлоги.

– А нам это надо? Если это научных так еб-интересует, пусть сами по весеннему снежку и мудохаются. А то привыкли на чужом горбу выезжать!

– Так-то оно так. Но, видишь ли, я на последних учётах с Наумченкой вместе на Узонском кордоне три дня пурговал. Короче, можешь это его пожелание рассматривать, как наше с тобой общественное поручение.

Вот здесь и начиналась интрига. По не до конца понятным для Груздева причинам – зам директора и начальник научного отдела заповедника Наумченко В.Т. – последнее время к Яценке явно благоволил. И тот во всех своих бедах и несчастьях винил теперь исключительно директора и главного лесничего, но уж никак не второе лицо в заповеднике. Разумеется, за три долгих дня под завывания пурги много о чём было переговорено и, вне сомнения, подобные пожелания тоже высказывались. Но, делая свой акцент на «общественном поручении» (а Наумченко был ещё и парторг!), Груздев откровенно блефовал, уповая при этом на то, что эти двое на «-ко» ещё не настолько меж собой спелись, чтобы вот сейчас его за руку ухватить...

– Ну, ладно, с Наумченкой всё яснее-ясного, за интересы своего отдела он всегда горой! А тебе-то в том какая корысть? – в голосе Хохла явственно прозвучали ревнивые нотки. Арнольдик, действует!

– А такая, что в день моего появления в заповеднике Виктор Трофимович меня к себе в отдел приглашал. Я же ответил, что для разгона поработаю сначала в лесоохране и над пред-

ложением подумаю! – а вот это была чистая правда; Наумченко не мог не обратить внимание на университетский диплом Груздева.

– Ну и?

– Так я и в самом деле раздумываю.

И это груздевское признание пролилось целительным бальзамом на исстрадавшуюся душу Хохла: при одной только мысли о том, что его столь неудобный – во всех отношениях! – зам самоустранится, а на освободившееся местечко...

– Хорошо. Сколько дней тебе нужно, ну, на это самое тропление?

– Сам считай. Два дня на ходьбу до Шумной. Два для работы на месте. Ещё два на обратную дорогу. Ну и денёк, как минимум, на непогоду сверху набросить. Полная неделя однако.

– На неделю согласен. Но ни днём больше.

– По рукам.

С сознанием одержанной, пусть маленькой, но победы Груздев вышагивал в направлении к своему домику вдоль Заповедной улицы и рассуждал: «Видимо, недаром в популярной песне поётся: не везёт мне в карты – повезёт в любви! Поскольку верно и обратное утверждение – повезло!».

Ведь в отличие от не до конца искушённого в собственных же полномочиях Хохла бывшему профессиональному геологу Груздеву очень хорошо было известно: что существует – никем и ничем! – не отменяемый свод правил ТБ (техники безопасности). Так что, покладисто согласившись отпустить его на недельку, Хохлу следовало тут же добавить: «только при условии сопровождения кем-либо из лесников» – и кранты!

Уломать в это время года кого-нибудь из мужиков на незапланированную ходку в лес? – голый Вася.

Г л а в а Т Р Е Т Ь Я

Они выступили на рассвете. Они, поскольку сразу же по своему возвращению с мартовских учётов Груздев, наконец-то, приобрёл себе постоянного компаньона и спутника – двухмесячного щенка зверовой лайки.

Сколько он себя помнил, ему всегда хотелось иметь настоящую собаку. Но чистюля-мама на горячие сыновьи просьбы «завести собачку» неизменно отвечала категорическим «нет». А у дедушки на Дону, куда их с братишкой неукоснительно вывозили на каждое каникулярное лето, во дворе друг дружку естественным образом сменяли мелкопсовые Кнопы, Снежки и Шпуни – плоть от плоти неистребимого дворняжьего племени. Далее самостоятельная студенческая, а вслед за ней инженерно-геологическая кочевая-гулевая-общаговская жисть. Так что впервые в жизни по-настоящему приемлемые условия для собственной собаки у Груздева возникли лишь на Камчатке.

И будь его воля, он бы взял себе щенка в день своего водворения в собственном домике, ещё прошлой весной. Но здешние зверовые лайки, совсем как волки, щенились единожды в год – преимущественно в феврале либо в марте. Так что на момент его появления в Жупанове в начале мая все до единого щенки были уже разобраны. Следующего же пополнения можно было ожидать только к февралю.

Отпущенные ему сроки Груздев использовал, чтобы получше присмотреться и к здешним собачкам, и к их владельцам. А присмотревшись, страстно возжелал заполучить щенка от суки Пикши, принадлежащей его единственному соседу по Заповедной улице – леснику Алику Лыжину. И тот щедро, по-соседски, пообещал ему первого по счёту кобелька из ближайшего помёта – на выбор!

В конце февраля Пикша благополучно разрешилась от бремени в укромном уголке сильно захламлённых хозяйских сеней. И Алик вновь его обнадёжил: дескать, судя по разно-

лосому пisku, щенков совершенно точно – несколько! После чего клятвенно подтвердил своё прошлогоднее обещание. Но вскорости после этого разговора и Груздев, и Лыжин, равно и всё мужское население лесничества, встав на лыжи, отправилось на три долгие недели в лес – на мартовские учёты.

Волею судеб Груздев именно с этих учётов возвратился в Жупаново последним и с горечью услышал: что весь помёт Пикши, за исключением одного, по неизвестной причине выдох, а на единственного уцелевшего щенка уже наложил свою загребушую лапу Хохол.

И вновь Груздеву в срочном порядке пришлось заняться поисками теперь уже любого щенка – какого ни предложат. Причём время им было опять настолько упущено, что ему бы по-прежнему ничего не светило, ежели б не личные его наработки и связи. Так что сначала Груздеву под большим секретом сообщили: дескать, на метеостанции «для себя» оставили не одного, а сразу двух щенков. И сразу же вслед затем до него дошли сведения: что их хозяин (он же начальник метеостанции) отбыл в кратковременную служебную командировку. Ну, а уж с хозяйкой у добра молодца имелись преимущественные шансы обделаться дельце полюбовно...

Дело в том, что и начальник Жупановской метеостанции Валера, и его верная жена Людмила пребывали с Груздевым в стадии того самого хорошего знакомства, к которому бы добавить ещё чуток и... – оно перерастёт в подлинную дружбу. Но как раз поэтому Валера, между которым и Груздевым уже разгорелось азартное охотничье соревнование, вот просто так, за здорово живёшь, ни за что бы второго щенка ему не отдал. Вероятнее всего, он бы попридержал обоих до первого поля, сам бы на деле их опробовал, выбрал бы себе лучшего, а другого – от всей души! – сплавил потенциальному охотничьему конкуренту...

– Здравствуй, Людочка! – пошёл на приступ прямо с порога Груздев. – Лишь одна ты в целом мире можешь меня выручить...

– Здравствуй, Ростя. А что такое у тебя стряслось? – в кругловатых жёлто-зелёных глазах Людмилы проглядывала настороженность; и по началу разговора, и по просительной груздевской интонации она безошибочно догадалась: что ему нечто позарез от неё нужно. Жена начальника вовсе не была скаредной: она просто-напросто (чисто по-женски) опасалась угодить впросак в чуждом ей мире подлинно мужских, технических ценностей...

– Грусть-тоска меня снедает. Представляешь, цельный год я в своём домике один, как сыч, живу. И невеста что-то мне давно не пишет...

– Ну, по части невест и у нас – напряжёнка! Иришке муж только вчера очередной втык давал за излишнее кокетство с вашим братом холостяками. А я для тебя слишком старая...

– Да что ты на себя, Людочка, напраслину возводишь? Женщина чуть-чуть за тридцать – самое то! Но не подумай только, что едва муж за порог, а я уж тут как тут.

– А я-то, дура, и напряглась, и губу уж раскатала. Говори живей, зачем пожаловал? Пока совсем не осерчала...

– Да вот, собачку решил себе завести, от одиночества. И чтоб ты ничего такого про меня не подумала, то лучше б кобелька, а не сучку.

– Каку-таку собаку? Валера про второго щенка никому говорить не велел...

– Ну вот, ты ж сама и проговорила!

– Да-а, язык мой – враг мой, – но по всему было видать, что не очень-то она по этому поводу на саму себя досадует. Ибо на непредвзятый женский взгляд щенок, хотя также и принадлежал к малопонятному ей охотничьему заводу, но являлся при этом скорее уж таким мужниным баловством, нежели подлинной хозяйственной ценностью.

Именно в этот момент Груздев безошибочно почувствовал: что, пожалуй, здесь и сейчас у него выгорит. А потому счёл за благо потянуть выжидательную паузу...

– Ну, да ладно, пойдём на них поглядим. А то ведь я уже давно Валере талдычу – ни к чему нам лишний рот.

И вот перед ним вожаки, хорошо выкормленные, полуторамесячные, молочные бутузы-щенки, которые побряхывая и поскуливая барахтались у хозяйки на коленях. Оба – в мать! – в основном белые, розово-брюхие, но с угольно-чёрными головками и по чёрному же чепрачку на плечах и по спинке. Один чуть-чуть помощнее, другая на капельку помельче – брат и сестричка.

– Ну, и какого тебе выделить? Валера там что-то всё про кобелька толковал. Но девочка, я её Малышкой зову, у нас из пяти штук самая последняя родилась. И из всего выводка вышла самая маленькая, а потому мне её всех жалче. В общем, забирай кобелька и вали отсюда поскорее, пока не передумала!

Боясь поверить собственным ушам, но и не заставляя упрашивать себя дважды, Груздев без лишних слов сунул щенка себе за пазуху и сделал с метеостанции ноги с такой поспешностью, что забыл толком и поблагодарить...

Оставлять для себя в помёте последнего – а значит, и заведомо ослабленного! – почиталось подлинной собаководческой ересью. Не меньшим охотничьим ляпсусом было: уже имея в своём распоряжении одну рабочую суку, прибавить к ней ещё одну...

К сожалению, вся сила реального удара, нанесённого родной женой вкупе с Груздевым по Валериному охотничьему самолюбию двумя вышеназванными ляпами далеко не исчерпывалась...

До недавнего времени в Жупанове местные зверовые лайки с лёгкой примесью ещё камчадалских ездовых размножились в себе, как единая породная группа. Но вот одному из самых неординарных работников лесничества захотелось слегка выпендриться: и он напрямик из столицы завёз породу в здешних краях ранее не виданную – московскую сторожевую, а проще говоря, помесь сенбернара с кавказской овчаркой. Собакища вымахала из неё преогромная, но довольно-таки добродушная, и получила от хозяина звучное имя – Дона.

И всё бы ничего, но вот пришла пора Доне размножаться. Само собой, ни о какой породной ровне для неё на всём Камчатском полуострове не могло быть и речи, так что спаривалась она исключительно с кобелями-лайками, всякий раз производя на свет редкостных ублюдков. Которые, впрочем (по вполне понятным причинам), до зрелого возраста обычно не доживали.

Но вскоре выпендриваться захотелось одному из прапорщиков из расквартированной по соседству с Жупановым роты локаторщиков. Он взял к себе в дом одного такого вот Дониного выродка и, изведя на него дармовых офицерских пайков как на хорошего кабанчика, вырастил нечто совсем уже непотребное...

Вообразите себе массивную и добродушную сенбернарью голову на могучей шее, основательных плечах и... – уже слабовато справляющихся с такой нагрузкой палкообразных передних ногах. Далее следовал – ну, очень! – протяжённый спинной хребет, логически завершаемый узковатым и вихлеватым задком, но зато декорированным невероятной длины и пышности хвостом-опахалом. Незадачливый собаковод попробовал было хоть как-то выправить положение какой-то амбициозной и звучной кличкой, но за уродцем в разговорном обиходе Жупанова навеки закрепилось прозвище – Головастик!

И вновь бы всё ничего, но только и Головастик, войдя в зрелую пору, начал участвовать в жупановских собачьих свадьбах. Правда по первости матёрые кобели, могущие в одиночку работать и по медведю, было нагнали на него страху. Но к своей третьей весне Головастик настолько заматерел и выправился, что оказался ровно в полтора раза выше и уж совершенно точно вдвое увесистей самого крупного из зверовых кобелей. К тому же не следовало забывать, что и в его жилах ровно наполовину текла бойцовская лаячья кровь. Так что он вскоре даже выработал своеобразную турнирную тактику: в то время как уверенный в собственной прыгучей увёртливости соперник-лайка беспечно и браво стоял перед ним влоборота, привычно прикрывая чуть выставленным вперёд плечом уязвимое сбоку горло, Головастик неожиданно обрушивался на него сверху – всей своей экскаваторной сенбернаршей пастью! И, ежели хватка

получалась удачной, что есть мочи, стискивал свои невероятной силищи челюсти до тех пор, пока полузадушенный противник не выпадал из них тряпичной куклой. И покамест бедолага оклёмывался, Головастик методично портил лаячью породу...

Вот и про суку Ингу с метеостанции в ту весну ходили упорные слухи, что Головастик и её оприходовал. Груздев, правда, узнал об этом, уже взявши щенка. Но отныне даже то обстоятельство, что Валера против обыкновения оставил для себя не одного, а сразу двух щенков – приобретало в глазах начинающего собаковод Груздева свой зловещий смысл. Раз за разом он с суеверным ужасом и трепетом начинал всматриваться в своего питомца, выискивая в нём ненавистные черты сенбернара...

И уж как это всё объяснить? Вероятней всего, мама Инга успела погулять ещё и с нормальным кобелём. Во всяком случае большая половина злополучного её помёта (и груздевский Нукер в том числе) имели облик, размеры, повадки и стать чистопородных лаек. Но вот зато другая половина...

Например, так называемая Малышка (самая последняя и мелкая в помёте!) оставалась таковой где-то до трёх месяцев, а потом вдруг начала расти как на дрожжах. И к полугодовалому возрасту уже была ростом с мамашу, а к следующему февралю заметно превосходила своими размерами всех без исключения собак в Жупанове (папу Головастика к тому времени бог прибрал, а бабушку Дону – от греха! – хозяин в срочном порядке увёз с собой в город).

И вот этого – да на фоне всё возрастающих охотничьих и походных успехов груздевского Нукера – Валера им обоим так до конца и не простил... Вероятно, именно поэтому настоящей дружбы меж ними так и не получилось – это и была подлинная цена груздевской собачки, дороговатая цена! Так что отныне Нукер просто обязан был быть для него – и преданным другом, и неизменным спутником, и бдительным телохранителем.

Но всё это будет. А покамест двухмесячный груздевский воспитанник был размером с две составленные друг с другом меховые рукавички. Всю последнюю неделю в доме по полу он перемещался шагом уже довольно уверенно, но стоило ему перейти на рысь, как тяжеловатый задок смешно заносило на сторону и... – вся упитанная тушка заметно отклонялась от изначально избранной на бег траектории. Одним словом, брать с собой в многодневный стокилометровый поход вот такое чудо-юдо выглядело затеей вполне рискованной. Но ведь и у самого Груздева теперь не оставалось другого выхода: щенок пришёл к нему так необычно и стоил столь дорого, что он – суеверно! – просто опасался выпускать его из своих рук.

Для начала человеку следовало каким-то доходчивым для зверёныша образом объяснить: что с сегодняшнего утра двое их – маршрутная пара; хозяин – ведущий, а щенок – ведомый. Но Груздев едва-едва успел запереть входную дверь на висячий замок, как Нукер уже почти целиком скрылся в дыре под крылечком, там завлекательно пахло крысами. Бесцеремонно же извлечённый оттуда за задние лапки он было закричал, закрутил увесистым задком, пробуя освободиться, но, ощутив щенячьим голым пузцом успокоительное тепло хозяйской ладони, примирительно стих. Тем временем «начальник маршрутной пары» кое-как, одной левой, приторочил себе на спину полуторапудовый рюкзак, а поверх него уместил на плече пару широких охотничьих лыж и самодельное спиннинговое удилище. Причём все три не связанных меж собой продолговатых предмета с первых же шагов расщеперились у него за спиной веером...

Но от его домика до вертолётной площадки вверх по пологому склону, по хорошо набитой в снегу стёжке, было метров сто пятьдесят от силы. Ещё с полсотни шагов к востоку и перед путниками распахивались такие дали, от которых у Груздева в очередной раз слегка перехватило дыхание, а на глаза поневоле навернулись слезинки восторга. Так что он решительно сбрасывал с себя всё лишнее, предварительно бережно посадив на снег Нукера, и весь безраздельно отдался ритуалу созерцания.

Сама вертолётная площадка, его домик, да и вся Заповедная улица располагались на обратном, отлогом склоне берегового уступа. Зато противоположная его сторона крутым сорокаметровым обрывом ниспадала прямиком в Тихий океан.

Всходило солнце. Пронзая чистейший, насыщенный только лишь водными испарениями воздух, светило набухало, прорезывалось и отваливалось от голубовато-стального лезвия океанского окоёма – свежайшим арбузным ломтем. Тогда как привычные его размеры где-то с футбольный мяч – такого гигантского утреннего диска Груздев не наблюдал доселе нигде! – должно быть, вся вовлечённая в процесс восхода неимоверная толща надокеанической атмосферы действовала как одна огромная оптическая линза.

Преувеличенные размеры, незамутнённые краски, девственная неприкосновенность – ведь если встать спиной к посёлку, как он сейчас, то в поле зрения не оставалось ни единого намёка на сомнительные блага и достижения современной цивилизации. Здесь ещё можно было вдруг ощутить себя астронавтом, прибывшим на планету Земля во времена доисторические, изначальные. Дело в том, что наросты одномоментных с ним человеческих поселений на теле планеты Груздев недолюбливал: при этом как джунгли из небоскрёбов на том берегу, так и эклектичный архитектурный стиль родной державы, который чем дальше от обеих столиц на восток-северо-восток, тем с большим основанием можно было охарактеризовать всего лишь одним словом – барачный.

И как бы в противовес всем этим густо забитым людишками термитникам к чистому северу от него уходили, громоздились, перекрывали друг друга и истаивали в сиреневой манящей дали горы и долины – заповеданные, доселе либо мало, либо вовсе человеком не обжитые. Кроноцкий заповедник как таковой был учреждён советским правительством в 1934 году. Но задолго до того, ещё при царе-батюшке, по добровольному соглашению промеж камчатских охотников-промысловиков никто из них в здешних угодьях пушнины не ловил: дабы особо крупный и ценный камчатский соболь в этом природном заказнике плодился-множился и по окрестным землицам рассеивался. А ещё раньше из-за скопления шибко крутых сопок и многочисленных проявлений вулканизма эти же места у ительменов и коряков почитались – дурными, «чортовыми», а посему лежали в стороне от традиционных кочевий и стойбищ.

Нависающая над ближайшими окрестностями двоякая вершина горы Зубчатки. За нею сглаженные отроги старика Кихпиныча, породившего своенравную красавицу-дочь – Долину Гейзеров. А вон как бы высвобожденная, вычлененная из общего росчерка береговой линии низовой полоской прибрежного туманчика – невесомо и зримо зависла в воздухе! – Кроноцкая сопка. Третья по высоте и первая по красоте вершина Камчатки за счёт своего выгодного – почти у самого уреза воды – местонахождения она была видна сразу и целиком: во всём безупречном великолепии своего изумительно стройного, грациозного и симметричного трёх с половиной километрового в высоту конуса. С чуть-чуть зарозовевшей в утреннем свете принакрытой вечными снегами вершиной и, ниже по склонам, с продольно-полосатым чередованием долинных ледников и сочно-серых рёбер скальных выходов.

Ещё дальше к северо-северо-востоку далеко вдавался в океан сильно вытянутый по горизонтали прямоугольник – плато Железнодорожного. Разумеется, ни о каких реальных рельсах на Камчатке ни ныне, ни присно, ни в проектах века и речи не велось; просто с расстояния в сто километров и более – все второстепенные подробности этого довольно гористого и изрезанного полуострова настолько обобщались и сглаживались, что он, в самом деле, напоминал такую строго параллельную поверхности океанических вод, ровнёхонько отсыпанную железнодорожную насыпь.

Кстати, при всей своей замечательной – издаля! – сглаженности именно плато Железнодорожное считалось полюсом относительной недоступности для всего заповедника в целом. Поскольку, во-первых, принадлежало к самому северному, а значит, маломощному и немногочисленному из четырёх заповедных лесничеств. Во-вторых, от накатанной внутрizaповеднической

магистралю – приборки – как раз этот полуостров отъединялся быстротекущими и полноводными, а следовательно, не проходимыми ни вброд, ни по льду реками. И наконец, его возвышенное и одновременно изрезанное крутобоками долинками небольших речек плато раз за разом оказывалось не по зубам массивным, с применением самоходной техники заповедным десантам.

Так что молодому и по-своему честолюбивому Ростиславу Груздеву очень легко было вообразить себя в передовом отряде отважных исследователей – с лёгкой десантной надувной лодкой в рюкзаке и в связке с выросшим и окрепшим Нукером, – закрывающими вот это, одно из последних выпавших на их долю «белых пятен». Такое предприятие казалось ему тем более осуществимым, что ту же «долину смерти» – расположенную всего лишь в двух часах ходьбы от самого посещаемого заповедного кордона! – совершенно случайно открыли обыкновенные туристы и сделали это буквально лет за пять до его появления здесь.

Планы и мечты о грядущих свершениях вновь настроили нашего путника на деловой лад. И не без усилия оторвав свой взор от манящих далей, Груздев перевёл его вниз: отблёскивая серебром, океан неспешно ворочался, мирно вздыхал мёртвой зыбью у него под ногами, неизменно оставляя не затопляемой узкую полосу валунно-песчаного пляжа у самого основания обрыва – отлив! Что ж, первые семь километров предстоящего им на сегодня пути по Косе дадутся им с Нукером сравнительно легко.

Г л а в а Ч Е Т В Ё Р Т А Я

Покончив с обзором, Груздев тем не менее прилаживать лыжи к сапогам-бродням пока не спешил. Хотя окрест, куда ни глянь, повсюду лежали неистребимые камчатские снега. Но первые метров пятьсот их сегодняшнего пути на север проходили по самому взлобку прибрежного увала. И на этом участке их ожидали несколько протяжённых проталин, образованных не за скуповатый счёт ранневесеннего солнышка, а ещё зимними штормовыми выдувами. Достигнув первой из них, Груздев выпустил на проталину щенка. При этом изрядно забитые утренним заморозочком запахи – уже пробующей оттаивать на полуденном припёке земли, прелой растительной ветоши и перебродивших ягод – явственно достигли обоняния наклонившегося к ним человека. Псишку же они по ноздрям просто... – ударили! Ведь доселе в его небогатом жизненном опыте присутствовали: тёплый и духовитый материнский бок в наглухо заваленной снегами родильной конуре да миска с кашей на поклацавающем под коготками полу в хозяйской избе. Замерев, как был поставлен на полусогнутых, щенок быстро-быстро гонял чёрным подрагивающим пяточком пахучий, волшебный, невообразимый воздух.

Но через минуту-другую предприимчивая породная любознательность взяла верх над понуждающей к затаиванию щенячьей робостью. Нукер переступил шаг, второй и вот уже, как заправская охотничья собака, прихватив путеводную струю одному ему ведомого запаха, потянул строго повдоль проталины – в нужном им направлении. А Груздев, знай себе, неспешно вышагивал следом и констатировал: что отныне в ихней маршрутной паре поприбавилось – и на уникальный собачий нюх, и на незаурядный лаячий слух, да и на лишнюю пару глаз.

Но вот проталина закончилась, и вместо того, чтобы по узкой снеговой перемычке перебраться в соседнюю, «крепко взявший след» Нукер заложил крутой вираж вбок... Беззлобно чертыхнувшись, Ростислав снова подхватил его на руки, да так и донёс до самого конца выдувов. Отсюда отлогим и размашистым серпантинном уходила вниз неплохо накатанная трасса, ведущая к Перевозу. Груздев быстро, одну за другой, приладил к сапогам лыжи на самодельных креплениях и неспешно заскользил вниз.

Отныне главными жизненными впечатлениями для двухмесячного несмышлёныша были: необозримая снеговая пустыня вокруг, торный путь под ногами и неотвратимо удаляющаяся спина хозяина. Призывно взвизгнув и... – не получив ровно никакого ответа! – щенок дробным неуклюжим галопцем поспешил вниз. Новая маршрутная пара – заработала!

Организованный ещё в далёкие тридцатые годы на краю земли Кроноцкий заповедник – при подобных-то просторах – был спланирован так, чтобы основные его контуры, по возможности, совпадали с естественными природными рубежами. Вот и южная с юго-западной его границы были проведены по руслу реки Семлячик. Не особенно протяжённый, километров на шестьдесят, но по-камчатски полноводный и быстрый Семлячик в нижнесреднем своём течении представлял собой серьёзную водную преграду. А перед самым впадением в большую солёную воду и вовсе размахнулся аж на целый лиман! Вообразите себе: полупресноводное озеро километровой ширины и не менее семи километров в длину. Благодаря своим всегда мутноватым и вечно беспокойным, из-за приливно-отливных течений, водам Семлячикский лиман снискал себе сомнительную славу акватории – непредсказуемой и по-настоящему коварной...

И дабы хоть как-то оградить своих сотрудников от связанного с переправой риска, а заодно и обеспечить надлежащий контроль за всеми в заповедник с юга входящими (равно и исходящими) при лиманном горле был учреждён круглогодичный пост – Перевоз. На протяжении многих лет Перевоз обслуживала семейная чета лесников Киселёвых – Николай Пименович и Прасковья Ильинична, а по-заповеднически просто тётя Паша. От конторы лесничества в Жупанове и до Перевоза клали три полных километра. И будучи уже на ближних подступах к лиману, Ростислав не переставал думать о том, что во всём предстоящем ему недельном маршруте самым узким местом является – Перевоз!

То есть, получив от лесничего «добро», Груздев тем самым приобретал и автоматическое право быть перевезённым туда-обратно. Да и изнывающий от апрельского простоя Пименович только рад будет – лишнему поводу! – запустить свою моторку. Просто личные груздевские взаимоотношения с многолетним заповедничским Хароном, мягко говоря, не сложились...

Пожалуй, виною всему оказалась охота. Старшего сына Ростислава снаряжали на Камчатку всем семейством – папа, мама и уже женатый брат Илья. Вопрос вопросов: брать или не брать с собой в столь легендарные уголья огнестрельное оружие – в смысле, можно ли охотиться, работая в заповеднике? А если брать, то какое? Дело в том, что Ростя с четырнадцати лет оказался счастливым обладателем семейной реликвии – немецкого охотничьего ружья «три кольца» фирмы «Зауэр», перешедшего к нему из рук в руки от бабушки. Но вот охотничий триумфират постановил, и мама Груздева своих мужчин единогласно поддержала: «Зауэром» на Камчатке лишний раз не рисковать! Но взамен выдать Ростиславу из внутрисемейного фонда сильно подержанную курковую «тулку»: ту самую, которую ещё бабушка во время Великой отечественной от немцев в донскую землю закапывал...

Само собой, ни о какой пальбе – в пределах заповедника! – и речи не велось. Но, принимая во внимание, что лесоохрана на местах снабжалась из центральной усадьбы круглый год исключительно консервами, мукой да крупами, в общем, и охоту и рыбалку заповедное начальство всячески поощряло и поддерживало, но при условии: соблюдения всех правил, сроков и в, так называемых, свободных угольях. Кстати, само Жупаново посреди них и располагалось. Но для жителей посёлка тут же возникала заковыка: местная погранзастава требовала неукоснительного соблюдения двухкилометровой «зоны спокойствия» (без выстрелов!) вдоль государственной границы. А на Камчатке таковой являлась... вся береговая линия; нечего и говорить, что основная водоплавающая дичь только в её пределах и кучковалась. Конечно, можно было всякий раз перед утиной зорькой испрашивать личное разрешение у командира заставы. К сожалению, сей субъект очень часто руководствовался в выдаче таких вот разрешений пожеланиями... – своей левой пятки.

Но даже при таком, патовом, противостоянии одна правовая лазейка всё же имелась: юрисдикция пограничников на заповедные территории не распространялась. И тогда многомудрое заповедное начальство протащило в жизнь соломоново решение: Перевоз – объект бесспорно заповедный (даром что расположен на самом побережье); далее, официальная граница заповедника – именно здесь проведена по главному речному руслу; таким образом вся южная

часть Семлячикского лимана, по сути своей те же свободные уголья, на время охотсезона превращалась в зону ружейной стрельбы «для своих».

И начавший работать в заповеднике с мая прошлого года Груздев угодил с корабля на бал – прямо к открытию весенней охоты по перу. Угадать-то угадал, да не всё у него ладилось. После нескольких лет в земле внутренность стволов «тулки» была покрыта такими «раковинами», что ружьё выдавало приемлемую кучность боя шагов... – на двадцать пять. Ростислав же (при своём «Зауэре»!) по привычке бить на более серьёзные дистанции. И здесь из охоты в охоту бездарно мазал, делал подранков, горячился и... – сам того не заметил, как в отлив (то есть почти посуху!) перескочил ту самую протоку, которая и отделяла зону охоты от собственно заповедника. На что ему – тут же! – попенял вездесущий Николай Пименович. Причём стыд и раскаянье невольного нарушителя были настолько искренними, что оплошку (промеж собой) тут же и замяли. Но, как показали дальнейшие события, зарубочка-то осталась...

Не далее, как прошлой осенью и вновь на утиной тяге Груздев – опять же из-за слабости ружейного боя – сделал весьма досадного для себя подранка. Это когда подстреленный им в зоне охоты матёрый кряковый селезень, тем не менее, сумел подняться на крыло и перепорхнуть в самое лиманное горло. Была верхняя точка отлива, и полуживую птицу тут же повлекло в океан, в самые буруны... При этом извлечь её оттуда – ни живой, ни мёртвой! – явно уже не было никакой возможности. Так что прицельный, с двадцати шагов завершающий дуплет Груздева был не более, чем актом своеобразного охотничьего милосердия: селезня затянуло в буруны уже бездыханным... Всего этого не мог не видеть и не понимать Киселёв, хотя – чисто формально! – всё лиманное горло принадлежало уже заповеднику.

Но в тот же день на зама лесничего по инстанции – то есть на стол Хохла! – легла докладная, в которой, помимо всего прочего, был упомянут и весенний, новичковый его огрех. Само собой, лесничий ухватился за столь счастливую возможность обеими руками; и с первым же попутным вертолётком на Груздева в центр ушла порядочная "телега". Правда (к вящему разочарованию супругов Яценков) нарушитель-рецидивист отделался всего лишь простым выговором...

Ну, да ладно бы ещё одни хохлы – их психология для Ростислава загадки не представляла. Но Пименович-то – хорош! А ему ведь ещё не один год с Груздевым в одном лесничестве бок о бок работать. И с самой осени перед Ростиславом стояла весьма непростая дилемма: с одной стороны, гордо и уверенно держать планку выше мелкого и обыденного отмщения (а ему случалось полностью подменять Хохла и на месяц, и на два!); но, с другой, всё же каким-то образом по отношению к Киселёву себя вести. Как ни странно, единственно верное решение – в столь ажурной психологической материи! – продемонстрировал ему вскоре сам Пименович, который вёл и держал себя с Груздевым так, как если бы между ними ровным счётом ничего не произошло. И Ростислав довольно быстро перенял для себя эту его манеру. Чисто внешне, разумеется, а вот в душе... В душе Перевоз для него был и есть – самое узкое место!

Подойдя ближе, они, как и полагается, застали Пименовича на посту. Груздеву уже была известна эта внутрizaповедническая хохмочка: из окошка Киселёвского домика чернеющие на снеговом фоне фигурки путников были заметны издали. И, выставив в открытую форточку казённый бинокль, бывалому стражу лишь оставалось уточнить – кто там на подходе? Ежели чужаки, можно продолжать действовать скрытно, как из засады, а можно и строгости с ходу им напустить... Ну, а ежели свои и погода позволяет – Пименович завсегда на посту!

То есть в своём всесезонном, вылинявшем до неопределённого цвета ватничке и сероголубых, для холода абсолютно непробиваемых, надёжно подбитых изнутри собачьим мехом штанах лётного образца восседал на перевёрнутой кверху килем дюралевой лодке. Чуть выцветший – но не утративший своей зоркости! – серо-стальной взгляд бездумно скользит по водной глади; на груди привычно подвешен, в случае чего интересного, уже расчехлённый бинокль.

Не спеша поднявшись навстречу пришедшему с насиженного места, Киселёв много утратил от своей забронзовевшей, как у всякого изваяния, значимости. Ибо оказался человеком совсем небольшого росточка и почти миниатюрного сложения, к тому же по-стариковски заметно уже задеревеневшим в суставах и позвоночнике... Но зато снабжённый чуть бубнящим и по-командирски зычным баритоном; да и дорогого (на фоне ихней подрасхристанной лесной братии) стоили всегдашняя его выбритость-стриженность и свойственная лишь отставным военным аккуратность, чистота и подтянутость, пусть даже самой затрапезной, рабочей одежды, одним словом – выправка!

– Здравствуй, Николай Пименович!

– И тебе – здорово! Далёко собрался, на Ключах попариться?

– Да нет, на этот раз подале будет, на Шумную.

– Это с ним-то? – Пименович пренебрежительно кивнул на как раз подковылявшего к ним Нукера, вздумавший улечься с дороги псишка покрутился было вокруг своей оси на одном, затем в другом месте, но повсюду был сырой и солёный морской песок, но вот, наконец, пристроился – на единственно сухом и тёплом острове груздевского рюкзака.

От этого небрежения Ростислав аж весь вспыхнул: дело выращивания из первого в его жизни щенка настоящей охотничьей собаки успело стать для него столь сокровенным и значимым, что тут он не спустил бы любому... Но ответил, всё ещё сдерживаясь:

– Пускай... тренируется.

Но и Пименович держал ушки остро и тут же – дипломатично! – поменял и тон, и тему:

– Я вчера по лицензии нерпу стрельнул. Так моя супружница с утра пораньше пирожки с нерпичьей печёнкой затеяла, отпробовать не желаешь?

Так получилось, что – в узковатом для Груздева – лиманном горле Перевоза именно тётя Паша играла роль предохранительного обводного канала. При этом, что для Ростислава необычайно было важно, ничуть перед ним не заискивала, но и до, и после инцидента с селезнем оставалась неизменно доброжелательной, по-матерински заботливой и слегка по-женски к холостяку-горожанину, живущему здесь своим хозяйством, снисходительной.

Оставалось добавить, что возвращённый собственной мамой настоящим гурманом Груздев тем не менее находил парную нерпичью печень (в отличие от её же отдающего рыбой мяса) ничуть не хуже говяжьей; пышные же пирожки с начинкой из чего бы то ни было всем ихним лесничеством почитались тётя Пашиным коронным блюдом...

Но, незаметно сглотнув слюну, на этот раз всё-таки решил характер выдерживать до конца:

– Спасибо. Но я и сам с утра пораньше нарочно плотно позавтракал. Я ведь это, планирую уже сегодня заночевать на Пятой...

От Перевоза и до кордона на Пятой речке клали вёрст двадцать с хорошим гаком, к тому же теперь большая их часть по чертоломной снежной целине, да всё это под стартового веса рюкзаком! Так что, даже ещё не перехватив недоуменный взгляд Пименовича, Груздев, вновь краснея, понял, что подзагнул...

Обоюдно исчерпав все нейтральные темы для поддержания разговора, помолчали неловко. Но вот, хоть как-то желая загладить свой последний ляп, Груздев задал ветерану вопрос абсолютно беспроегрышный:

– А погодка, как думаешь Пименович, постоит?

Тот, глянув орлом из-под насупленных бровей на убаюкиваемую мёртвой зыбью синь океана, на чистенькое утреннее светило и на глазах истаивающий в его лучах низовой, прибрежный туманец, безапелляционно предрёк:

– Денька два-три ещё постоит, а потом как задует!

Зато в дальнейшем действовали уже слаженно и молча: поставили дюральку на киль и – без труда – по отлогу песчаному скату стащили её на воду. После чего, раскатав сапоги,

Груздев удерживал её кормой к берегу, а Пименович тем временем, натужно побряхтывая, притащил из соседней сараюшки лодочный «Вихрь» и – по-прежнему сам-один! – сноровисто и умело его закрепил. Ростислав же с тяжестями ему помочь не спешил, зная наперёд, что старик этого терпеть не может... Вслед затем в лодке были размещены: бензобак с гибким резиновым шлангом, пара вёсел, груздевское барахлишко и возбуждённо попискивающий Нукер всё также поверх уже вполне освоенного им рюкзака.

Весь в лупящейся от старости, блекло-голубой покраске «Вихрь» тем не менее завёлся с первого же рывка – чувствовалась рука мастера! Опять же не ухарски напрямик, а по благоразумно вписанной вглубь лимана дуге (дабы, если не дай бог откажет мотор, успеть выгрестись-уйти из отливной стремнины на одних вёслах) перемахнули на ту сторону.

По инерции, с разгона пришвартовав-уткнув лодку носом в прибрежный песочек, Пименович широко развёл в стороны обеими руками: мол, извини, до кунгаса сегодня не получится...

По высокой воде на моторке без опаски проскакивали до самого нашедшего в лимане свой последний причал рыбацкого кунгаса, и это сэкономило путнику верные три километра. Но в отлив можно было и зацепить...

На что Груздев, согласно кивнув головой в ответ, немедленно приступил к разгрузке. Но, забирая последней ходкой Нукера, всё-таки не удержался и проговорил с интонацией излишне просительной:

- Ну, а назад-то меня перевезёшь, Пименович? Гляди, ровно через неделю к вечеру буду!
- А куда ж я денусь? Сигнальный флажок навесишь, в железку постучишь. Счастливо!
- А вам счастливо оставаться.

Таким вот образом Груздев с Нукером очутились в заповеднике, на Косе. Коса сама по себе являлась достаточно любопытным геологическим образованием. В сущности, это был береговой бар или естественная плотина, изначально возникшая за счёт наносов от разгрузки местных, прибрежных течений и волнового прибоя. Но стоило ей зародиться и слегка приподняться, как напорные речные воды – а для них восставшая со дна перемычка стала препятствием, темницей, – с внутренней, лиманной стороны всячески старались её размыть, разрушить... Но – парадокс! – наново вымываемый ими осадочный материал самой плотины, равно и взвеси песка с глиной постоянно привносимые рекой Семлячиком с окрестных гор при своём выходе в открытый океан тут же вездесущим прибоем подхватывались, тем самым с морской стороны тело бара неустанно подновляя и наращивая. И теперь – уж кто кого пересилит! В данном конкретном месте на протяжении последних веков пересиливала океанская сторона, а значит, существовал лиман и существовала Коса.

Вообразите, слегка приподнятую над океанской поверхностью отлогую и округлую волну из чистого песка... Кстати, о песке – на Камчатском полуострове он в основном вулканического происхождения, то есть тёмно-серого, почти чёрного цвета в смоченном водой состоянии и буровато-серый на обсыхающих пляжах. Итак, на первые метры над поверхностью океана приподнятая – в обе стороны отлогая – песчаная волна, но уж зато в сто-двести метров ширины и на целых семь километров длиной! И хоть нацело состоит из наносного песка, ни о каких дюнах – на манер прибалтийских – на Камчатке не может быть и речи. Во-первых, летний муссонный климат, иными словами, изобилие пресных дождевых осадков. Во-вторых, именно вулканический песок из всех наивозможных песков – самый плодородный! Так что чисто песчаной сохраняется лишь незначительная оторочка в волноприбойной зоне – более широкая с мористой и поуже с лиманной стороны. Всё же остальное – во власти растительных покровов.

На самого Груздева Коса, вопреки выраженной шиловидности своих очертаний на карте, производила впечатление неизгладимо женственное. Прежде всего, наверное, из-за её плодородной щедрости. Настоящие деревья – сказывалась близость солоноватых грунтовых вод – укорениться на ней не могли. А вот знаменитая камчатская жимолость и не менее знаменитый

дальневосточный морской шиповник, наливающий оранжево-красные толстомясые плодики размером с небольшое яблочко и идущий на изготовление янтарного варенья, ни вкусом ни цветом не уступающего айвовому... Оба эти ягодные кустарника произрастали на Косе в подлинном изобилии. Водились здесь и голубика с брусникой, а также поражающая воображение своей рясностью, аборигенная и мазучая ягодка – шикша. Недаром в ближайших окрестностях Жупанова именно Коса почиталась лучшими ягодниками, и до сих пор (с разрешения лесничего) местное население от её щедрот пользовалось. Одновременно на самом её носу располагались и неплохие сенокосные угодья. Правда, такое её использование – уже при Груздеве – начинало уходить в область преданий... Но бывалые лесники вспоминали: как заводили круглогодично пребывающий на Косе тракторок типа «фордзон» и быстренько им накашивали-сгребали, а затем уже вручную смётывали стожок по форме и размером с киргизскую юрту! И как последний уцелевший по лесничеству конь – меринок по кличке Мальчик – так всю зиму напролёт возле этого стожка и ютился, вжимаясь от злющих штормов и пург в него с подветренной стороны своим горячим конским боком...

Но ранней весной всё это растительное богатство было надёжно погребено-запрятано в метровой глубины сугробы. Ибо подвижные рыхлые да пухлявые снежные массы – ещё от осенних снегопадов – надёжно застревали-захватывались густейшей травянисто-кустарниковой щёткой, а последующие неистовые зимние пурги дело завершали, их перераспределяя, спрессовывая и укатывая. Так что в том же апреле одолевая снежную целину Косы пешедралом было сущим наказанием: поскольку вроде бы такой надёжный с виду наст вес путника под рюкзаком выдерживал вполне – первые десять шагов! – но зато на втором десятке шедший, шаг за шагом, сквозь него начинал проваливаться... Но не лучшим образом чувствовал себя здесь и лыжник: выпуклые и ребристые снеговые заступы – ропаки – начинающие подтаивать на полуденном припёке и схватываться льдистой корочкой по ночам, нудновато сбивали и с ноги, и с темпа.

Ещё непрístupнее сейчас выглядела лиманная сторона: изобильный пресноводный лёд неустанными течениями гонялся туда-сюда и, цепляясь за берег, вдоль него торосился. Солёный и открытый океан на широте Жупанова не замерзал вовсе. Но время от времени из более высоких широт наносило плавучие льды. Которые в первый же попутный шторм на берег выбрасывало, где они – на морозном ветру! – вмерзали в мокрый песок намертво. Так что единственной природной магистралью между бастионами вмёрзших льдин и белопенными языками океанского наката оставалась прибойка. Но и она скатертью стелилась под ногами лишь при умеренном волнении и в отлив.

По этим обоим разрешительным условиям на сегодня им с Нукером – пофартило! И Груздев, сам того не заметив, проскочил до отметки кунгаса без передыху. Нукер, быстренько удостоверившись, что игручие и шелестящие о берег волны на самом-то деле живыми не являются, а лишь таковыми прикидываются, прилежно семенил сзади, оставляя за собой на сыром песке по-щенячьи, слегка на раскорячку, трогательную в своей беззащитности цепочку следов.

И когда Груздев уже совсем было вознамерился передохнуть, вдруг с прибойки – метрах в двухстах впереди – начали взлетать один за другим белоплечие орланы. Самый крупный пернатый хищник всего северного полушария, занесённый в Красную книгу эндемик Камчатки – даже единичная встреча с ним заслуживала отдельной дневниковой записи. Здесь же птицыщи по-сытому тяжело отрывались от земли, натужно поработав крыльями, поднабрав высоту и перейдя на привычное им парение, раскруживались в разные стороны – целыми группами! И Груздев, продолжая идти на сближение, первым делом попробовал их пересчитать:

– Две, пять, семь-восемь...

Но тут, вперемежку с орланами, с того же самого места начали вспархивать и чёрные вороны, хоть и более лёгкие на подъём, но тоже далеко не мелкие «птички» – даже в сравнении с орланами! Поначалу успешный подсчёт поневоле смешался...

Навскидку получалось: до полутора десятков взрослых и молодых орланов и не менее дюжины воронов. Такое сочетание, а главное, небывалое скопление прибрежных пернатых хищников и чистых падальщиков могло означать только одно: впереди на прибойке лежало исторгнутое морем большое и съедобное нечто...

И только-только покончив с подсчётами, Груздев – подрагивающими от нетерпения пальцами – извлёк из подвешенного у него на груди бархатно-кожаного футляра свой подарочный цейсовский бинокль, но, едва наведя его на резкость, аж отшатнулся... – от выхваченной и шестикратно приближенной окулярами неожиданности!

Прямо перед ним на прогретом солнышком пляжном песочке, уютно устроившись на нём брюхом, накрепко зажав порядочный кус в передних лапах и характерно – по-собачьи! – поводя голову из стороны в сторону, дабы отрывать-откусывать неподатливую плоть не сравнительно слабыми передними резцами, а острокромчатыми коренными – пировал медведь! И не предупреди птицы Груздева о морском выбросе загодя, да не схватись он сам за бинокль, встречи с хищником – нос к носу! – ему бы не избежать: поскольку светло-бурый и ещё позимнему пышный медвежий мех и уже подсохший буроватый же песок прибойки по фону совпадали вполне.

Между тем зоологами-практиками были сформулированы три запрещающие принципа: мать-медведица с малышами-сеголетками, медвежья свадьба и любой крупный хищник возле свежесдавленной им жертвы – во всех этих случаях людям вообще (а человеку-одиночке в квадрате!) к зверям лучше было близко не подходить... И хотя в данном случае многотонный морской выброс (а в бинокль сразу за медведем просматривалось протяжённое и маловразумительное нечто) быть медвежьей давлениной никак не мог, следовало учитывать: что, во-первых, топтыгин вылез из зимней берлоги голодным, а во-вторых, пусть и не кровавое уже, но исторгнутое океаном нечто всё же являлось чьей-то плотью!

Вдосталь наглядевшись на медведя в бинокль, Груздев внимательно по сторонам осмотрелся. К сожалению, как раз в этом месте Коса обуживалась шагов до ста пятидесяти, и местность вокруг не только вполне открытая, но ещё и заснеженная... Так что вовсе незамеченными им с Нукером мишку облезть едва ли получится. Но надо хотя бы попробовать!

Приняв решение, Груздев – наконец-то! – сбросил с себя рюкзак и извлёк из продолговатого бокового кармашка морской сигнальный фальшфейер, а также предусмотрительно расстегнул на внушительном охотничьем ноже фиксирующее рукоять кожаное кольцо-антапку. После чего последовательно: вновь впрягся в уже потемневшие от пота рюкзачные лямки, разместил на левом плече по-прежнему им не увязанные лыжи и удилище, а правой прихватил ожесточённо, но молчаливо барахтающегося Нукера и фальшфейер. В таком виде он вновь, как давеча утром, почувствовал себя особо неуклюжим и громоздким... Но выбирать не приходилось и, прорулив между льдинами, он ступил на ненадёжный снег.

С океана – вместе со смиренными валами мёртвой зыби – тянул лёгкий сквознячок, уносящий на себе прочь, через Косу, все подозрительные запахи. А плеск и шорох небольшого прибоя тем не менее неплохо скрадывал все посторонние звуки. Снаряжение и верхняя одежда на Груздеве были цвета умеренно выгоревшего хаки, то есть, не хуже медвежьей шкуры, совмещали свой тон с общим фоном прибойки. К тому же, обладающий монохроматичным (не цветным) зрением медведь не может похвастаться на особую его остроту. Все эти факторы были не только хорошо известны Груздеву, но и – в полной мере! – им задействованы за время наблюдения.

Но стоило Груздеву полностью выйти на контрастный снег, как зверь тут же оторвался от трапезы и повернул морду в сторону непрощенного гостя. Заметив это, Ростислав в свою очередь приостановился и гикнул во всю мощь своих лёгких. Медведь, не меняя телоположения, то есть мордой по-прежнему в сторону предполагаемой опасности, живо вскочил на все четыре конечности. При этом разглядывающему весь его силуэт в профиль человеку стало ясно

видно: как раздалось и провисло у зверя брюхо – нажрался! Груздев гикнул повторно; топтыгин поджал уши и разлапистой рысцей припустил наутёк по прибойке вглубь заповедника. Желая закрепить успех, Ростислав сбросил с рук на податливый наст Нукера, приподнял над головой на вытянутых руках все три продолговатых предмета и, победно заулюлюкав, рысью же поспешил за противником вслед. Но предательский наст отмерил ему пробежки ровно на пять шагов, а на шестой человек со всего маху увяз в сугробе по самые некуда... И покамест из сугроба вытряхивался, медведя и след простыл.

Не особенно этим обстоятельством удручённый исследователь заспешил к океаническому выбросу. То ли истирающей силой морского прибоя, то ли стараниями падальщиков, а вероятнее всего, и теми и другими вместе туша уже была начисто лишена всех кожных покровов и мощного слоя подкожного жира, не просматривалось также и плавников. Цилиндрической формы остов в восемь с половиной метров длиной и около метра в диаметре казалось нацело состоял из хитроумного переплетения многочисленных кровеносных сосудов, нервных волокон и жил. Такое изобилие кровеносных сосудов сразу под слоем предполагаемого кожного жира могло принадлежать только морскому млекопитающему, судя по длине и форме тела – средних размеров китообразному. При этом с обоих концов, во всяком случае в том положении, в каком располагался сам остов на момент его обнаружения, ротовой полости не просматривалось. Затевать же вскрытие охотничьим ножом в уже начинающем ощутимо попахивать гигантском трупe Груздев просто побрезговал... Так что ограничился простейшими обмерами и схематической зарисовкой в «дневнике наблюдений».

Более ничего примечательного при движении по прибойке вплоть до самого устья ключа Горячего им за сегодня не встретилось. Зная наверняка, что именно Горячий и является первым по счёту значимым, пресноводным потоком, Груздев тем не менее погрузил в его воды свою проверяющую руку – ощутимо тёплые! Как раз на этом тепловом эффекте и выстраивался их заключительный двухкилометровый рывок до самого одноименного с ключом кордона. Горячий ключ протекал по глубоко врезанной им же самим в податливые вулканические породы русловой долинке, которую за долгую зиму пурги от души заваливали снегом, но повдоль неустанно подогреваемого водного потока неизменно поддерживалась где-то метровой ширины прирусловая проталина. Впрочем принимая во внимание факт неустанного наращивания и спрессовывания долинных снегов, к марту месяцу это была уже не просто проталина, а настоящая снеговая траншея где вровень с плечами и даже макушкой высокорослого Груздева, а где и перекрывающая его с головой. То же и по ширине: ключ бурлил перекатами и низвергался водопадами, круглился омутками и расползался на рукава, далеко неодинаковым был также и отмериваемый пургами на каждом конкретном участке приток снеговой массы – в результате отнюдь не на всём своём протяжении траншея была комфортной для движения под нагрузкой. Кое-где приходилось с рюкзаком сквозь неё с усилиями пропихиваться, а то и взгромоздив заплечный мешок себе на голову, и вовсе протискиваться бочком.

Предполагая на завтра спустаться к океану тем же путём, Груздев наконец-то смог разгрузиться от порядком ему наскучивших за переключиванием с одного плеча на другое лыж и удилища. Но ежели удилище позволительно просто воткнуть комлевым концом в приметный сугроб, то подбитые свежеснятой нерпичьей шкурой лыжи могли вызвать гастрономический интерес и у росомахи, и у тех же медведей. Так что Ростислав присмотрел подходящую каменную берёзу с главной развилкой метрах в четырёх от земли, привязал к поясному ремню пятиметровый страховочный шнур, на другом конце которого были надёжно принайтовлены обе лыжи, покорячился немного, карабкаясь по-медвежьи, в обхват, по лишённому сучьев четырёхметровому стволу. Но зато накрепко увязав их в развилке всё тем же шнуром, за ближайшую судьбу своего основного средства передвижения мог быть абсолютно спокоен.

Но стоило им одолеть два десятка шагов повдоль путеводной проталины, как буквально на ровном месте заартачился Нукер. Достигнув первого реального брода, псишка до этого пол-

дня ковылявший по самой кромке солёного и более чем прохладного океанского наката войти в пресную и приятно подогретую водицу отказался наотрез... Услышав его протестующее повизгивание, Груздев нехотя обернулся: самый первый в предстоящей им череде перебродов, поджимов и омутков выглядел шутейно – воробью по колёно и при ровном неспешном течении. Если и начинать тренироваться, то как раз на таком, и человек вновь прибегнул к уже испытанной утренней тактике, то есть показал щенку свою неуклонно удаляющуюся спину. Повизгивание усилилось, в нём прорезались жалостливо-просительные нотки, затем всё резко смолкло. Молодец, справился! Ростислав победно оборотился: не тут-то было! Воспользовавшись естественной выположиной, Нукер на своих острейших, ещё не затуплённых ходьбой, щенячьих коготках сумел-таки выкарабкаться из прирусловой траншеи и вприпрыжку догонял сейчас Груздева, торжествующе перемещаясь по вполне выдерживающему его вес насту где-то вровень с головой хозяина. Каков!

При движении таким вот образом, на два яруса, они одолели с полкилометра. Но всё хорошее рано или поздно заканчивается; долинка постепенно обузилась до каньона в миниатюре, и это обстоятельство неизбежно спроецировало свои трудности как при перемещении по руслу, так и наверху. Груздев как раз с остервенением пропихивал свой рюкзак хотя и в скользковатых, но зато успевших поднабрать ледовой крепости объятых прирусловой траншеи, когда всё нарастающий визг несколько сзади и на уровне его левого уха оповестил, что и у Нукера возникли проблемы... В человеке уже сказывалась дневная усталость, и мысленно пообещав себе, что как только преодолеет трудный участок, так не медля разгрузится от рюкзака и налегке вернётся за незадачливым компаньоном, Ростислав продолжил движение. Между тем повизгивание за спиной достигло своего апогея, а затем оформилось в явственное – бульк! После чего всё стихло. В титаническом порыве, едва не оборвав рюкзачные лямки, Груздев осуществил свой разворот на все сто восемьдесят градусов: на его глазах посреди взбулгаченного падением полуметровой глубины омутка возникла чёрная головёнка Нукера и, рефлекторно отфыркиваясь, теперь уже деловито и молча погребла в сторону до слёз то ли укорённого, то ли умиленного владельца.

Остаток пути до кордона Нукер проделал на руках у Груздева неумело, по-мужски спеленанный в ни разу не надёванную подменную портянку. Первое в жизни купание щенка произошло в приятно подогретой водице, но как только в крутосклонный каньон перестало заглядывать предзакатное солнышко, как тут же вступивший в свои права морозец начал ощутимо покалывать и с вымоченными в ходе спасательных работ рукавами запястья рук, и разогретые ходьбой щёки.

Кордон на Горячих ключах заметно выбивался из череды типовых хибарок, для тепла оббитых толем поверх неизменной доски-пятёрки, и с внутренним жилым помещением ровно наполовину отведённым под нары. Это было просторное и светлое, почти квадратного сечения строение из полноценного, хорошо проконопаченного, древесного бруса, с жилой стороны к тому же отделанного листовой фанерой под белой эмалевой покраской – роскошь для заповедника неслыханная! Так что остановиться в нём на ночлег в условиях камчатско-полевых уже само по себе было событием эмоционально приподнятым. Но ещё притягательнее его делало наличие природной ванной.

То есть природными были испокон веков бьющие здесь геотермальные родники, которые и формировали истоки всего Горячего ключа. Здравая же идея использовать их под ванну принадлежала поднаторевшим у себя на родине в подобных традициях японцам. Груздев правда так до конца и не разобрался: о каких именно японцах в изустных заповедничских преданиях велась речь? Ведь если уже около трёх веков территория Камчатки была бесспорно российской, то начавшие осваивать ключи для своих оздоровительных целей японцы, вне сомнения, были браконьерами. Но браконьерами из какой исторической эпохи? Времени ли попустительства при царе-батюшке, лихой години гражданской войны или нашего уже недосмотра из-за

крайнего дефицита сторожевых кораблей на тихоокеанской окраине в непростые предвоенные годы.

Во всяком случае деревянное тело сруба, заглублённого где-то на метр в источающий термальные воды грунт, было столь древним, что в пору и при царе-батюшке. Саму же ванну-сруб размерами в метрах около трёх на два кое-как, с трёх сторон и от возможных атмосферных осадков прикрывал дощато-толевый навес. По виду не менее ветхий и древний, но судя по материалу и манере исполнения – наш, кондовый, российский, а значит и более поздний, возможно, пра-заповеднический.

Растопив разом загудевшую от доброй тяги массивно-металлическую, сварную печь и водрузив на неё неизменный чайник, Груздев поспешил в ванну. Водича в здешних родниках при её выходе на дневную поверхность была ровно такой температуры, что тело, как в хорошей парной, первое погружение выдерживало не более одной минуты. После чего следовало охолонуться всей кожей, исходящей на вечернем морозце лёгким парком. Второе погружение закрепляло привыкание минут на пять. И наконец, с третьего уже можно было смело приступать к процедуре восстановления. Лично для себя Груздев разработал такой способ. Под задницу подкладывался из поколения в поколения перекатываемый по дну ванны специальный сидалищный валун. И благодаря такой вот подставке у Ростислава получалось: сидя в воде по самое горлышко и опёршись затылком о верхний венец сруба на одной его стороне, надёжно облокотиться лодыжками вытянутых ног на противоположном его крае. А дальше начинала сказываться разница температур. Во всём теле, погружённом в весьма горячую воду, кожные капилляры раскрывались по максимуму, а в выставленных на вечерний холод голове и ступням, напротив, обуживались. И Ростиславу ощутимо начинало казаться: как чув-чув-чув, словно маленьким насосиком, с каждым ударом пульса вытягивает из ног дневную усталость. Он уже знал наверное, что как бы ни уходился, ни наломался под рюкзаком за день, после четырёх-пяти таких вот погружений на следующее утро будешь свеж, как огурчик.

И ещё одна подтверждённая на личном опыте закономерность: чем сильнее наломался, тем ощутимее и слаще внутриванный отходняк – настоящий походный кайф!

Г л а в а П Я Т А Я

Встав вместе с солнышком, обновлённый и радостный Груздев растопил гудящую от хорошей тяги печь и сварил себе с Нукером самую быструю из каш – пшённую. Сам он принадлежал к той счастливой породе людей, которые не могут пожаловаться на аппетит в л ю б о е время суток; так что сдобренная изрядным кусом сливочного масла каша проскочила в него, как в утку. Оставалось сполоснуть за собой посуду и в путь.

За что он ещё особенно ценил кордон Горячие Ключи, так это за сугубую простоту и скорость вот этой, наименее для него приятной из всех, бытовой повинности. На Ключах достаточно было прихватить с собой весь ворох использованной за вечер и утро посуды и прямо в походных сапогах влезть с нею в самую середину ручья – вода в нём была гарантированно проточной и в меру подогретой. Покончив с посудой, он в считанные минуты сложил наполовину разобранный с вечера рюкзак, после чего сделал запись в «Тетради посещений кордона». Всё – можно выступать!

Погода стояла, и по тому, как с самого раннего утра всё у него в руках кипело и ладилось, он уже знал наверное: денёк – задался! И как бы в первое ему в том подтверждение Нукер, вообразивший видно, что после вчерашнего с головой ему теперь и море по колено – бесшабашно и с ходу брал брод за бродом!

С утренними силами и под горку они проскочили ключ на одном дыхании. И он в первый раз скинул с себя рюкзак только затем, чтобы слазить в развилку берёзы за лыжами. Ещё

километра с полтора у них под ногами – вновь под утренний отлив и мерные вздохи океанской зыби – ковровой дорожкой стелилась прибойка.

Далее характер побережья разительно менялся: вместо однообразно выположенной и плавно изгибистой береговой линии здесь проросла целая щётка из коротковатых и энергично-скальных мысков, перемежаемых слабо врезанными и открытыми всем ветрам бухточками. На этом участке пути разумнее было придерживаться набитой ещё туристами тропы, проложенной на некотором удалении от пляжа. Саму тропу, естественно, замело-перемело-высугробило, но маркировка красной и синей краской на стволах берёз была достаточно яркой, чтобы не сбиться. При этом Нукер исправно семенил сзади по наново прокладываемому лыжником пути.

Постепенно втягиваясь, вработываясь в подзабытый уже ритм лыжной ходьбы, бездумно следуя всем извилам грамотно вписанной в местный рельеф тропы, Груздев полумашинально отметил, что с дорогой ему по-прежнему везёт. В самом деле, под защитой прибрежных березняков снег всё ещё сохранял свою былую зимнюю податливость: здесь начисто отсутствовали нудновато сбивающие лыжника с ноги ледовой крепости снежные заструги – этот бич открытых пространств. Вместе с тем, неоднократно подтаивающий и смерзающийся всё более крупными кристаллами, начинающий ноздреть снег уже не был настолько пухляв, чтобы широченные охотничьи лыжи утопали в нём с головой, а вместо того с характерным похрупыванием сминался у него под ногами во вполне приемлемую лыжню.

И под этот монотонный хруст так легко и приятно думалось о своём...

...Отец, Груздев-старший, сам профессионально и небезуспешно занятый поисками месторождений урана, мечтал о семейной династии геологов. Как раз заканчивающий десятилетку Ростя с выбором жизненной цели ещё настолько не определился, что ухватился за отцовскую подсказку едва ли не с благодарностью. Вуз на семейном совете наметили попрестижней – геологический факультет МГУ.

И вот сейчас Ростислав вспоминал: как погожим июльским утром в безнадёжно отставшей от столичной моды белой сетчатой рубашке с коротким рукавом, взопревшим от собственной дерзости провинциалом пробирался вдоль высоченной чугунной ограды на Воробьёвых горах, символично отделяющей простых смертных – от студентов Московского университета! Ключом к поступлению для него, в общем-то золотого медалиста, являлась сдача на «отлично» первого экзамена – письменной математики. И когда из пяти предложенных ему в его варианте заданий первые четыре он одолел с ходу и лишь над последним призадумался – минут на пять – Груздев был сильно разочарован: как, это всё?!

Два первых года учёбы у него ушли на выживание в республике под названием общага. На третий он в новых условиях настолько освоился, что стал по сторонам оглядываться и обнаружил: что сильно прогадал – при поступлении. Родной геолфак с некоторых пор уже не казался ни престижным, ни сколько-нибудь интересным – причём последнее в глазах самого Груздева в той степени, что он всерьёз начал подумывать об уходе. Но взамен на первую производственную практику на всё лето закатился аж на Чукотку, и она на какое-то время его примирила: если не с самой геологией, как наукой, то уж по меньшей мере – с геологическим образом жизни.

И лишь к пятому курсу личные пристрастия и вкусы Ростислава окончательно откристаллизовались в триаду: либо филфак своего же университета, либо сценарный факультет ВГИКа, либо литинститут имени Горького. Но в корне менять что-либо за полгода до защиты диплома было всё-таки поздно... – с точки зрения здравого смысла, но только не самого Груздева!

Если доселе преуспевающий студент-пятикурсник по ему одному ведомым соображениям игнорирует зачётную сессию, значит, он уже в с ё з н а е т: так или примерно так рассуждали препод за преподом – в результате, все пять зачётов Ростиславу проставили «автоматом». Но ведь как раз на стопроцентном заваливании последней сессии и был построен план

ухода Груздева: он валит всё что ни попадя – его, естественно, отчисляют за академическую задолженность; после чего, оттрубив два года действительной армейской службы, он имеет все права начать свою студенческую жизнь с чистого листа.

Но, потерпев полное фиаско с заваливанием зачётной сессии, в самый разгар экзаменационной Груздев счёл за благо приобрести авиабилет к родителям, в Казахстан.

– Мама, ты только не волнуйся; Илья завалил сопромат, а я бросил университет, – эта, произнесённая Ростиславом прямо с порога фраза пахнущей валерьянкой и валидолом бронзой была навеки отлита в семейных анналах клана Груздевых. Ибо младший брат Илья, одолевший в ту пору второй курс Московского геолого-разведочного, в отличие от своего более продвинутого брата был далеко не благополучным студентом. То есть с двух первых экзаменов в эту сессию его уже «вынесли», и неуд по третьему – а им-то как раз и являлся грозный сопромат! – и для младшего означал неизбежное отчисление...

В ту кризисную для семейства Груздевых зиму первое чудо совершилось неожиданно быстро: Илья, которому явно уже терять было нечего, сразу после сопромата подгадал – против своего обыкновения! – не в пивбар, а на пересдачу одного из ранее заваленных им экзаменов и на троечку его спихнул!

А вот с Ростей всё обстояло гораздо сложнее: он упёрто стоял на своём, аки осёл. Такое с ним нечасто, но случалось, и уж здесь – это родители усвоили на ять – ни уговоры, ни репрессии, ни даже ссылки на мамино больное сердце сдвинуть с места его едва ли б смогли. И тем не менее дней за десять напряжённейших поисков – на этот раз без счётчика Гейгера – Груздев-старший таки нашупал нужный подход.

Его сын намеревается идти в армию, дабы завоевать себе право на дальнейшую учёбу по собственному усмотрению? Очень хорошо! А известно ли ему, что рядовому СА по уставу отводится в сутки всего полчаса личного времени? То есть эти два года выпадают для него полностью! Но ведь существует гораздо более рациональный путь: оканчиваешь университет, отработываешь положенные три года молодым специалистом и – поступай по второму кругу куда твоей душеньке угодно. Ах да, финансовую поддержку на ещё одно высшее образование они ему с матерью гарантируют!

Что ж, отцовская логика выглядела убедительной. И ещё через полгода, по благополучному завершению геолфака, Ростислав распределился в ближнее Подмосковье. И не потому вовсе, что и сама экспедиция и процветающая в ней геохимия в те годы выглядели достаточно перспективными, но чтобы не терять связей с Москвой. Хотя, в глубине души, почему-то позавидовал тем из своих сокурсников, которые по распределению умахнули в Якутию либо на Камчатку.

Но зато за три подмосковных года он без словаря начал читать художественную прозу на английском и с нуля, самоучкой, неплохо продвинулся во французском; заново перечитал всю русскую классику, а также десятки библиотечных кирпичей либо самиздатовских брошюр современных отечественных и зарубежных авторов; и разумеется, оттачивал собственное перо – в стихах и в прозе, как для редакций тонких и толстых литературных журналов, так и для узкого кружка близких единомышленников. Опубликоваться, правда, за эти три года ему так ни разу и не удалось...

Все свои дальнейшие усилия решил сосредоточить исключительно на литинституте. В первый подмосковный год Груздев ограничился одной разведкой – условий и требований к поступающим. Во второй из-за горящего геологического отчёта (а он и на производстве ухитрялся быть на хорошем счету!) не успел в срок отстучать на машинке необходимый объём собственных рукописей. Но уж зато на третий – лихо подкатил по весне на такси к всесоюзной кузнице литературных кадров во всеоружии.

Но ещё во внутреннем дворике института ему повстречалась девушка – серая мышка по внешности, но зато, судя по всему, с самими заведением на «ты». Первое впечатление и

на этот раз Груздева не обмануло: из завязавшегося разговора вскоре выяснилось, что она – выпускница этого года по отделению поэзии. Когда же Ростислав, со своей стороны, вкратце обрисовал собственные исходные данные, она, легонько вздохнув, только и заметила:

– Надо же, у вас есть профессия!

И он в едином миге прозрения вдруг углядел: что девушке этой явно за тридцать, и что она предельно одинока и хотя по-своему одарена – всё равно никаких преимуществ и тем паче гарантий пять лет пребывания в этих стенах ей не дают...

С новой знакомой он распрощался вполне по-дружески, а в само здание так и не вошёл. Возвратившись же на электричке в общагу для молодых специалистов на свой 46-й километр, сел и в один присест накатал три запросных письма в три давно уже интересующие его точки на карте России: в Баргузинский заповедник на Байкале, в Кроноцкий на Камчатке и на остров Врангеля – всюду предлагая свои услуги всем, кем ни возьмут, хоть бы и лесником.

Лежащий за семидесятой параллелью в Чукотском море остров Врангеля для него, не имеющего реального полярного опыта, был слишком крут. Груздев сам первый понимал это и на полное замалчивание своего запроса даже не обиделся. Зато с Байкала и Камчатки примерно в одни и те же сроки пришли два похожих ответа: мол, приезжайте – возьмём.

Ко времени написания запросных писем ещё не, но уже по получению ответов на них у Груздева состоялось предварительное знакомство с девушкой его мечты – уроженкой сахалинского города Холмска и студенткой Дальневосточного университета. И поскольку Сахалин с Приморьем были в большем географическом сродстве всё же с Камчатским полуостровом, нежели со славным озером-морем – то это и обусловило его окончательный выбор...

...Мерный и мирный ход груздевских мыслей был нарушен необходимостью форсировать очередную водную преграду. За сегодня ему предстояло преодолеть их с десяток. То есть сам Горячий ключ являлся как бы точкой отсчёта или нулём, а их конечная цель на сегодня – река Шумная – в общем ряду получалась десятой. На промежуточные же ключи и речки у здешних землестроителей явно не хватило ни воображения, ни фантазии: и на карте с солдатской прямолинейностью значились – Первая речка, Вторая и так далее по возрастающей.

На этот раз река была особенно впечатляющей, и он понял, что дошагал до Пятой – как обычно, даже слегка проскочив сам кордон. Груздев обернулся назад и пошарил глазами по низбегающему к руслу реки склоновому березняку. Притулившуюся под сенью могучей берёзы, полузанесённую снегом хибарку выдавала лишь торчащая из сугроба крыши длинная железная труба – багряно-коричневая от окалины напололам с ржавчиной.

Кордон на Пятой речке Груздев инстинктивно недолюбливал, и будь у него времени побольше, а снега окрест не столь обильны, он бы предпочёл попопдничать у костерка. Но во входном тамбуре кордона, как и положено, во всю стенку была аккуратно выложена поленница из просушённых берёзовых чурок да целая куча берёзового же корья на растопку; и жестяная печурка на таком превосходном топливе раскалилась докрасна в считанные минуты.

Дневной перекус состоял: из разогретой прямо на плите банки говяжьей тушёнки, а также банки сгущённого молока, полкраюхи хлеба и целого котелка крепко заваренного чая. Будь он в гордом одиночестве, Груздев бы обошёлся одной сгущёнкой – поскольку тушёнка ему обрыдла ещё со времён геологии, но растущий не по дням, а по часам Нукер требовал усиленного питания.

Пятую речку они весьма удачно перешли по надёжному ледовому мосту-перемычке между двумя быстротруйными полыньями. А вот на Шестой вышла небольшая накладка. По не до конца понятным для Груздева причинам вся эта вялотекущая речка – насколько хватало глаз! – оказалась свободной ото льда, а глубина между тем повсюду была такая, что разноцветная и крупная галька на дне сквозь чуть зеленоватую воду еле-еле проглядывала...

Так что, сбросив с себя рюкзак и лыжи и пристроив на обтаявшем бугорке возбуждённо поскуливающего Нукера, Груздев раскатал болотные сапоги и полез нащупывать брод. При-

чём с каждым удаляющим его от берега шагом призывные вопли за спиной усиливались; но человеку вскоре стало не до воспитанника – он как раз проходил главную русловую выемку на наивозможном пределе... То есть, переступая на самых цыпочках и изо всех сил подтягивая руками верхние голенища за специальные ушки, и только благодаря вот этой, до совершенства отработанной на утиных охотах «технологии», – Груздев исхитрился не набрать ни в один сапог и с явным уже облегчением шлёпал по мелководью у противоположного бережка... Но в этот самый миг призывный скулёж за спиной возрос до особенно громкого и отчаянного взвизга, и сразу же вслед за ним последовал... характернейший всплеск!

Ростислав обернулся на него так, аж шейные позвонки хрустанули: выставив над поверхностью неспешно текущих вод тоже всю уже мокрую головёнку и старательно отфыркиваясь, Нукер изо всех своих щенячьих силёнок грёб к нему...

Но зато на своём завершающем этапе их путешествие обошлось вовсе без приключений; и предзакатное солнце только ещё посыпало первой позолотой прибрежные снега, когда Груздев выкатился на край небольшого взгорка – над поймой реки Шумной.

Не столь протяжённая, как Семлячик, но ничуть не уступающая ему в полноводности река эта, тем не менее, не образовывала лимана, а напружиненной зетобразной излучиной впадала напрямик в океан. Поскольку на протяжении почти всего года о безопасном бросе через Шумную на её предустьевом участке можно было только мечтать, то во времена туристического бума через неё навели капитальный канатно-подвесной мост. А при мосту, на этом берегу, всё ещё сохранялись кое-какие деревянные постройки от бывшего туристического приюта.

Сам же кордон на Шумной, на перелицовку которого заповеднички без зазрения совести черпали от щедрот экс-туристских, располагался шагах в двухстах выше по течению. Подновлённая избушка вышла слегка аляповатой снаружи, но зато просторной и светлой изнутри. Да и местечко для неё подыскали изумительное: на небольшой продолговатой полянке в леске на приречной террасе. Причём лесок этот надёжно прикрывал кордон от лобовых океанских ветров и бурь, но вместе с тем ничуть не мешал ему стоять нараспашку – встречу завораживающему заповедному простору! Именно этот кордон полюбился Груздеву с первого взгляда.

Впрочем, как раз сейчас он в него не особенно и спешил... Ибо в нём боролись: страстное желание начать бросать спиннинг немедленно и... – приземлённое право выложившегося за день путника на постель и ужин. Рыболов в Груздеве, пожалуй бы, пересилил; но Нукер очень недвусмысленно дал понять своему бестолковому хозяину, что самое время – перекусить! И Ростиславу лишь оставалось утешать себя мыслью: что уж весь завтрашний день – без остатка! – он посвятит одной только рыбалке.

В отличие от охоты с рыбной ловлей у них всё обстояло предельно просто: всякий штатный сотрудник заповедника в любом заповедном водоёме мог ловить на спортивную снасть любую рыбу – для личных нужд. К тому же завтрашний лов имел и своеобразное природоохранное значение: в это время года по нерестовым рекам многотысячными косяками скатывалась в океан молодь благородных лососей – кеты и кижуча, которую на выходе поджидали хищники, в общем, те же лососи, только менее благородные – мальма (он же морской голец) и кунжа.

После такого перехода Ростислав уснул, едва коснувшись головой подушки, и спал беспробудно. Но верный своей охотничье-рыболовной закваске проснулся часа за два до рассвета и истово отлежал их, перебирая в уме все плюсы и минусы предстоящего ему священнодействия.

Надо признать, что рыболовное снаряжение и навыки у него были – аховые... В принципе Груздев имел кое-какой личный опыт ловли шук на спиннинг, но только на более продвинутой безынерционную катушку. Тогда как на Камчатку (по настоятельному совету человека бывалого!) привёз с собой только инерционную. Последняя была крайне неприхотлива и очень надёжна в своей простоте, но вот только техникой её заброса Груздев не владел вовсе...

Да ко всему в придачу по дороге – прямо в Хабаровском аэропорту – у него спёрли заводское удилице. Так что перед самым этим походом Ростислав на скорую руку сварганил себе нечто – из толстеного ивового прута, мягкой железной проволоки и обыкновенного медицинского лейкопластыря.

Единственный же плюс – это уникальность предоставленных в полное его распоряжение угодий. Ведь за последние лет несколько ранней весной в устьях Шумной не блеснил никто! Хотя сама река слыла рыбной.

Ловля на блесну требует полноценного дневного освещения, и тем не менее по здоровой походной привычке Груздев в полной боевой вывалился из зимовья с первыми лучами солнца. Река – куда ни брось оценивающий взор – всюду была супер! Но, начиная от кордона и до самого подвесного моста, он так и не сумел приступить: то течение несло излишне быстро; то приглянувшаяся заводь столь густо обросла по бережку ивняком, что удилицем не взмахнёшь; то чудом уцелевшая льдина, а лёд в низовьях Шумной прошёл весь, грозила резануть лесу своей зазубренной кромкой.

Но зато сразу ниже моста речное русло плавной, но напружиненной излучиной властно подворачивало к чистому югу. Течение на этом участке, как бы подкапливая силы перед финальным рывком в океан, несколько замедляло ход; а из непроглядно-тёмной глубины один за другим привсплывали и неспешно раскручивались небольшие водоворотики, распространяя по подёрнутой рябью поверхности текучих вод расширяющиеся и гладкие круги. Именно это местечко, властно поманившее его ещё с вечера, для ловли на спиннинг представлялось близ идеальным.

Груздев широко взмахнул своей самоделкой и по отлогой дуге наискосок вверх по течению пустил рыболовный снаряд, одновременно пытаясь притормозить большим пальцем бешено раскручивающийся барабан инерционки. Но в полной мере это ему не удалось: и из вышедшей из-под его контроля катушки эластично-упругим кружевом попёрла совершенно неприличного размера «борода», одно из колечек которой, захлестнувшись за ограничитель, бесцеремонно и резко оборвало полёт блесны на полдороге...

Отчаянно чертыхаясь, незадачливый рыболов бросился «бороду» распутывать; причём именно эту задачу ему многожды облегчало то обстоятельство, что лесу для блеснения он с умыслом выбрал гораздо толще, нежели это обычно советуют в рыболовных журналах. Когда снасть была распутана, он, резким рывком удилица оторвав блесну ото дна, начал подматывать; при этом буквально в двух метрах от берега по туго натянутой лесе что-то (или кто-то!) ощутимо ударило. Но Ростислав суеверно прикинулся: что «ровным счётом ничего не заметил».

При повторной попытке он сумел-таки избежать «бороды», но взамен, всецело увлечшись процессом притормаживания, передержал само удилице: в результате – блесна плюхнулась на прибрежное мелководье метрах в двадцати ниже от него по течению. Опасаясь зацепа, Груздев сразу же начал лихорадочно подматывать. И тем не менее из зеленоватой глубины к посверкивающей полированным металлом блесне по поверхности воды устремился стреловидный бурунчик, а на высветленном дне мелководья явственно обозначился брусковатый силуэт крупной рыбыны! Впрочем, при всём своём желании догнать бешено бегущую против течения приманку хищник так и не сумел...

И лишь на третий заброс Ростислав выполнил всё, что полагается. И приз не заставил себя долго ждать: после первых же метров подмотки последовала вполне классическая поклёвка, он резко подсёк, и основательная леса туго натянутой струной завжикала по поверхности текучих вод. Не взирая на то, что добыча была отнюдь не мелкой и отчаянно сопротивлялась, рыболов, уповая прежде всего на доморощенную надёжность снасти, довольно прямолинейно подвёл её к берегу и, приноровившись – одним рывком! – выбросил на прибрежный наст розово-брюхого и краснопёрого, в мелких форельных радужных крапинках по тёмно-

зелёному фону морского красавца-гольца. На глазок вес рыбины заведомо превышал два кило – во всяком случае, сам Груздев доселе таких крупных мальмин не выуживал никогда!

Вот собственно так же, как она и началась, и прошла вся эта двухчасовая феноменальная рыбалка. Груздев метался по берегу, рычал, суетился, распускал «бороды», тут же их распутывал... И тем не менее почти каждый мало-мальски удачный заброс был премирован поклёвкой! В его улове заметно преобладали мальмины, которые впрочем – поскольку он ловил почти не сходя с одного места, – стали понемногу мельчать. Но изредка попадались и кунжи. Последние явно уступали морскому голцу в пестроте и нарядности окраски (да и по вкусовым качествам тож), но зато заметно превосходили его размерами. Так что две из пяти позарившихся на его блесну кунж были в пределах трёх, а одна – на верные четыре килограмма.

Но ведь такие асы спиннингового лова, как Николай Пименович, в Семлячикском лимане вываживали и восьмикилограммовых кунжин, а случалось и поболее! И входящий во всё больший рыболовный раж Груздев тоже уже мечтал – о таких! Не исключено, что они здесь водились. Во всяком случае, в один из особо удачных забросов – прямо под тот берег в небольшой омуток – у него вдруг так «клюнуло», что едва-едва не вышибло из рук удилища, а на костяшках пальцев правой кисти от катушечных держачков остались две рваные, долго незаживающие ранки.

Ноющая боль в ссадинах стала для него первым шагом на пути к отрезвлению. Груздев вдруг окинул реальным взглядом весь участок берега, на котором ловил: здесь и там, выбивая в плотном снегу розовеющие от крови тазообразные углубления, бились в последней агонии или уже навсегда замерли тугими полукольцами – сильные, крупные и красивые рыбины... Иным из них даже удавалось доскакивать до воды и вновь обрести желанную свободу – для Груздева это уже давно было неважно. Важным было другое: «А куда ж я всё это рыбное изобилие девать буду?».

В школьные годы Ростя вместе с братишкой Ильёй буквально каждое лето проводили на Дону у дедушки. Где они втроём очень много рыбалили. При этом дед сумел привить внуку одну из главных охотничьих заповедей:

– Ни один рыбий хвост из твоего улова, Ростя, да будь то и распоследний бычок ростом с мизинец, не должен пропадать зряшно. Хоть на корм курицам, но возьми этого малька и покроши – иначе не видать тебе настоящей удачи, как собственных ушей!

Вспомнив дедову науку, он тут же прекратил лов, а ведь так хотелось напоследок – хоть ещё разок! – протянуть блесну под тем бережком. Но взамен принялся собирать и запихивать добычу в свой вместительный обалаковский рюкзак, насчитав при этом – двадцать восемь хвостов. Но, вдевшись в лямки своего заметно раздавшегося вширь заплечного мешка, так и не сумел оторваться с ним от земли... Впрочем, чисто геологический опыт по перетаскиванию каменных проб у Груздева имелся: и он, не снимая рюкзака с плеч, лёг на него спиной, перекатился вместе с ним на живот, с натугой привстал на четвереньки, а затем, быстро-быстро перебирая руками по прибрежному обрывчику – таки изловчился выпрямиться! Больно врезавшиеся в плечи рюкзачные лямки с каждым – глубоко проваливающимся в снег! – шагом угрожающе потрескивали... Благо от места лова до зимовья было две сотни шагов.

Весь остаток этого – уже по-северному продолжительного позднеапрельского денька – Груздев разбирался с уловом. Разумнее и быстрее всего было рыбу засолить. И к своей неопикуемой радости он обнаружил под нарами добрые полкуля поваренной соли грубого помола, а также два эмалированных ведра под воду – третье, правда, оказалось худым...

Первое ведро Ростислав со знанием дела набил до отказа густо пересыпанными солью, отборными, серединными кусками от самых крупных мальмин. А из их голов и хвостов в полуведерной кастрюле заварганил тройной закладки уху – с добавлением лишь толики сушёного репчатого лука, горстки пшена да чёрного перца горошком. При этом наутро в поставленной дома на полу кастрюле он обнаружил вместо ухи бесподобное рыбное желе!

Второе ведро Груздев засаливал уже из полурыбин, нанеся тем самым существенный урон общему количеству гольцов в рюкзаке. Но оставались ещё кунжи. Их лобастые хрящеватые головы также угодили в уху. А вот из филейной вырезки лучше всего было бы накрутить котлет по рецепту тёти Паши, но о мясорубке в зимовье можно было только мечтать...

Так что для зачина Ростислав их просто начал на чугунной сковороде обжаривать, предварительно обваляв в манной крупе с солью. Но затем вдохновился и симпровизировал рыбное филе в кляре – из муки, яичного порошка и сухого молока. При этом на вкус да и по внешнему виду кунжа более всего стала походить на отборную треску – её мясо оказалось столь же сочным, белым, упругим и также выгодно отличалось полным отсутствием доставучих мелких костей.

Дабы подразнить собственный аппетит из самой крупной в улове мальмины Груздев затеял приготовить корейское хе: то есть ободрал с рыбины кожу, срезал отточенным охотничьим ножом с обеих сторон тушки повдоль позвоночника карминно-красные мясистые пластины, мелко изрубил их поперёк и, как есть сырой, залил крепким, но охлаждённым маринадом из уксуса, соли, сахара и красного жгучего перца. Через четыре часа экзотическое блюдо было готово к употреблению и, в самом деле, заметно разжигало аппетит.

И тем не менее, к закату поближе, когда собственный его желудок был набит до отказа, а вконец обожравшегося Нукера вообще пару раз стошнило... – переусердствовавший рыболов с плохо скрываемым раздражением вытряхнул прямо на пол из своего бездонного рюкзака всё ещё порядочную горку самых мелких гольцов. И поскольку все они уместились в дырявом ведре, счёл за благо прикопать их до утра в снегу. А осуществляя этот схорон, пожелал в сердцах:

– Чтоб вас всех до единого в темноте кто-нибудь сожрал!

К величайшему его изумлению это полусушительное пожелание кем-то к утру было исполнено буквально – в ведре не осталось ни плавничка, ни хвостика! Хотя он хорошо помнил: как долго и нудно выдалбливал в сумерках топором в льдистом снегу вместительную лунку прямо под стенкой кордона, после чего вставил в неё ведро, привалил сверху двумя увесистыми дровяными чурками и, закидав снегом, тщательно всё ногами притрамбовал.

Как обычно в апреле ночью был вполне приличный заморозок; так что утренний наст вес самого Ростислава без лыж то выдерживал вполне. И по этому признаку следователь Груздев сделал свой первый однозначный вывод: рыбу украл точно не медведь! Так как никаких свежих ночных следов вокруг зимовья не обнаружилось. Но по чисто весовому признаку в список подозреваемых из обычных обитателей заповедника попадали: и волк, и лисица, и рысь, и росомаха, и выдра, и, пожалуй, даже норка... Нет, чтобы вытаскать и перепрятать целое ведро неподатливой подмороженной рыбы норка всё-таки была маловата. Выдра – при таком речном изобилии! – также предпочла бы для себя свежачок. Да и рысь, даром что относится к семейству кошачьих, не такая уж большая охотница до рыбы, чтобы жрать или утаскивать её целыми вёдрами. Так что список реально подозреваемых сокращался до трёх: либо волк, либо лисица, либо росомаха. Сам Груздев бездоказательно склонялся к росомaxe; просто потому, что в подобных случаях как раз на эту зверюгу огульно всю шкodu и валят...

И вот тут-то он заявился собственной персоной – роскошный, крупный и барственный лисовин-сиводушка. Камчатская лисица-огнёвка вообще разительно отличается от своих континентальных и тем паче европейских охристо-рыжих собратьев. Во-первых, это очень голенастый и непривычно высокий с виду зверёк, прежде всего из-за необыкновенной длины, мощи и разлапистости четырёх своих конечностей – всё эволюционные приспособительные признаки для выживания в метровой глубины камчатских снегах! Во-вторых, не просто рыжий, а именно красно-рыжий мех камчатской огнёвки по своей реальной стоимости был всегда ближе к собольим, нежели к простеньким шубкам европейских алис. И в-третьих, среди обычных огненно-рыжих экземпляров изредка попадаются более тёмные, как бы переходные формы к природ-

ным чернобуркам – как раз таких промысловики и называют сиводушками. В общем, и по повадкам, и по размерам, и по ценности меха этот лисовин был в глазах Груздева всем ранее виданным им лисичкам и лисам – наиглавнейший лис!

Он вынырнул на полянку из густого ольховника метрах в ста пятидесяти от них и, как ни в чём не бывало, неспешной собачьей рысцой по уже хорошо натоптанному им пути направился напрямиком к зимовью. А заприметив рядом с ним силуэт человека и его, с позволения сказать, собаки, лисовин – ничуть не смутившись и почти не изменив курса! – продефилировал мимо них шагах в двенадцати; так что Груздеву не потребовался даже бинокль, чтобы разглядеть на нём каждую шерстинку! Обожравшийся с вечера и до сих пор маявшийся животиком Нукер глянул на эту новую для него собаку своими мутноватыми от недуга глазёнками и вежливо пошевелил хвостиком; но надменный лисовин на этот жест доброй собачьей воли даже бровью не повёл...

Груздев тем более был доволен этим неожиданным визитом, что лисовин не только счастливо разрешил все его сомнения касательно ночной пропажи, но и как бы открывал собою счёт на сегодняшний день. Дело в том, что именно в этот заход ему как-то не особенно везло на встречи с обитателями заповедника: в первый день – сборище пирующих на теле кита, а за весь второй проведённый на лыжне – вообще только один заяц... И вот на четвёртый, занеся в дневник эпизод с лисовином и заперев в зимовье всё ещё прибалывающего Нукера, он перешёл подвесной мост и належке заскользил на лыжах по быстро расширяющемуся к северу клину приморских тундр.

Если верить глазам, то простор перед ним распахивался неохватный – аж до самого подножья Кроноцкой сопки! При этом взятая им с собой подробная карта лесничества вскоре и заканчивалась – где-то сразу за речкой Тихая с одноимённым кордоном на ней. А по памяти Груздев только одно мог сказать твёрдо: до Кроноцкой сопки ему посуху по любому не дойти, так как на самых подступах к ней путь перекроет река Кроноцкая – самая полноводная и могучая во всём заповеднике.

К тому же – такая доступная и приветливая с виду – тундра путника просто-напросто в себя засасывала. Он исправно выгонял километр за километром, а вокруг в сущности ничего не менялось... Лишь солнце – с ним наперегонки! – неуклонно вершило свой дневной полукруг. И вот, когда Груздев и сам начал всерьёз подумывать: а не пора ли вострить лыжи назад к югу, иначе заночевать ему сегодня придётся, в лучшем случае на Тихой, а дома, на Шумной, Нукер как-никак с самого утра сидит некормленный... – перед ним неожиданно открылась речная долина.

Долина – по своим размерам сугубый середнячок, но зато по её дну струился необычайно яркий – на синеватом снегу аж кирпично-оранжевого цвета – и абсолютно мутный поток. Причём помимо своего кричащего цвета этот поток не выглядел ни особенно быстрым, ни чрезмерно широким.

И тем не менее, три четверти часа Груздев тщетно и честно потратил на поиски в нём хотя бы намёка на брод... Но всякий раз уже в двух-трёх шагах от берега оранжевая из-за взвешенной в ней глины водичка уверенно достигала ему до середины бёдер, а чрезвычайно вязкий и неуклонно утолщающийся слой глинистого же донного ила грозил стащить с него сапоги... Как раз во время очередной такой безуспешной попытки из глубин памяти неожиданно выплыло где-то когда-то уже слышанное им название – Мутная или Мутный?

После чего Груздев с сознанием исполненного на сегодня служебного долга повернул лыжи вспять. К его приятному изумлению даже одинарная лыжня настолько облегчила ему ход, что он изловчился вернуться на Шумную – засветло!

На другой день, долёживая в утренней постели последние сладкие миги, Груздев уже строил планы реванша за вчерашнее: захватив с собой двух- трёхдневный запас провизии и Нукера, по хорошо накатанной лыжне в сжатые сроки выйти к Мутной и таки надыбать в ней

брод, а уж там! Но едва выглянув из зимовья наружу, тут же про себя отметил: что в природе всё выглядело вроде бы так же, да не так! То есть погода на рассвете была ещё более мягкой, чуть задумчивой и ласково обнадёживающей, чем во все предшествующие дни; но уже в самом этом чрезмерном благорасположении таилась грядущая перемена, надо думать, не в лучшую сторону... Конечно, на исходе апреля пурги крайне редко бесчинствуют более одних суток. Но даже и при таком раскладе простая арифметика свидетельствовала: сегодняшний – пятый для них по счёту – день он, допустим, вновь весь пробегает в заречье, ну а шестой – пропургует, в лучшем случае вот здесь, на Шумной. Но и тогда за оставшийся в запасе седьмой – им с Нукером по забитой свежим снежком лыжне на Косу к контрольному сроку ни за что не успеть... А нынешний Груздев, между прочим, дорожил хрупким балансом достигнутого взаимопонимания с Хохлом.

Так что, предельно разгрузив свой рюкзак от консервов и круп, а взамен втаившись до упора жареной рыбой, Ростислав взял курс на юг.

За походные деньки его Нукер заметно подрос и окреп, поприбавил уверенности в себе и поднабрал первого жизненного опыта, но всё это его едва и не сгубило... Они уже миновали Пятовую речку, когда Груздев сильно заинтересовавшись – дневным! – и наисвежайшим на подтаявшем снежку соболиным следом, даже полуприсел на одно колено рассмотреть его поподробней. Тем временем Нукер, привычно рысивший сзади, деловито облез по целине перекрывающего ему дорогу хозяина и, как ни в чём не бывало, продолжил путь к дому по старой лыжне. Груздев ещё порадовался этой напористой его деловитости и, проводив компаньона взором одобрения, совсем было вернулся к своему занятию, как вдруг самым краешком глаза зацепил в воздухе подозрительное движение, возвёл очи к небу и... – аж задохнулся от ужаса! Сам он присел в густоватом и низкорослом, то есть неплохо маскирующем его ольховнике, тогда как псишка чёрно-белой хорошо упитанной тушкой успел выбежать на открытую и просторную полянку, где на него – как на подходящую по размеру дичь! – нацелился белоплечий орлан. Груздев подскочил как на пружинах и, истошно вопя, что есть мочи рванул из кустов на опушку, отчаянно размахивая в воздухе блестящей алюминиевой лыжной палкой – на всякий случай! – прихваченной им в кордоне на Шумной. Тем временем орлан, характерно полусложив крылья, уже камнем падал на по-прежнему ничего не подозревающего щенка! Но при виде «вооружённого» и с криками несущегося к нему на сближение мужика изо всей силы – в торможении – замолотил по упругому воздуху своими могучими, враз расщеперившимися крылами...

По древнегреческим канонам у пропорционально сложенного человека полная длина разведённых в стороны рук соответствует его росту; так что Ростислав при своих метр восемьдесят два заметно недобирал в размахе до двух метров, тогда как полный разворот крыльев взрослого белоплечего орлана – два с половиной метра и более! И вся эта махина натужно выходила из пике в каких-нибудь десяти метрах у него над головой: зрелище для истого натуралиста-ценителя на всю жизнь запоминающееся и наисладчайшее!

Молодой орлан имеет однотонное буровато-серое оперение и до наступления у него половой зрелости – лишь на третий год жизни! – выглядит юношески скромно. Но зато по достижению брачного возраста и самцы и самки – а на Нукера нацелился зрелый экземпляр – украшают себя белоснежным хвостом и чисто белыми же прямоугольниками на передних стигах обоих крыльев, отчего некоторые из лесников так и называли их – «белопогонниками». Опрятный и строгий, пёрышко к пёрышку, чёрно-коричневый основной наряд, не уступающие ему в строгости снежно-белые выпуски по плечам и снизу, но уж зато язычески яркие – цвета деревенского яичного желтка! – пальцы и не оперённые цевья ног с беловато-дымчатыми крючковатыми когтями и канареечно-жёлтый изогнутый клюв с благородным, цвета старой слоновой кости массивным надклювьем. При этом сам клюв был длиною если и не с лезвие охотничьего, то уж – совершенно точно! – порядочного столового ножа, а лапки вряд ли уступали по своим

размерам кистям рук взрослого мужчины, в общем, замешкайся Груздев на секунду-другую, не погладить ему больше по мягкой шёрстке своего любимого Нукера никогда...

На распутье – в устьях Горячего ключа – путника одолели сомнения: по времени и силам он вполне мог ещё сегодня дойти и заночевать в кордоне на Косе. Да и с погодой на завтра всё было предельно ясно: за день в атмосфере разлилась, а теперь заметно подъела дали сильнейшая дымка; ровно половина предзакатного неба ещё оставалась чистой, но зато другая – со стороны океана – неспешно, но уверенно перекрывалась в вышине многослойными перистыми облаками. При такой динамике первых приступов непогоды можно было ожидать уже нынешней ночью. Но зато остаток вот этого денька был такой размягчающе весенний, такой нежный, тёплый да ласковый, что Груздеву (при всём его геолого-походном опыте!) очень трудно было до конца поверить в завтрашнюю пургу. К тому же он слишком много потел за последние два ходовых дня, и... – прельстительный образ деревянной ванны-сруба на Ключах без труда перешилил трезвый голос рассудка.

Само собой, он сильно пожалел об этом уже на следующее утро: небо над головой за одну только ночь посерело, взлохматилось и заметно приблизилось; да и ветер в печной трубе завывал на все лады – и это здесь, в надёжно прикрывающей кордон извивистой и глубоко врезанной ручьевой долине! Правда снег в воздухе ещё не порхал – это пурга давала им фору вплоть до самого океана. И вообще, им с Нукером крупно повезло в том смысле, что циклон разворачивался над полуостровом не прямо в лоб – с чистого востока, а заходил к заповедному побережью как бы по касательной – с зюйд-зюйд-оста. И как раз при таком направлении набирающего силу шторма океанский прибой набирал полную мощь и размах не вдруг, а как бы с некоторым замедлением...

В пурговой круговерти и нарастающем рёве штормового наката Груздев, раскатав сапоги, короткими осмотрительными перебежками продвигался по самой верхней кромке прибойки, изо всех сил удерживая обеими руками отчаянно парусящие лыжи. Жалобно поскуливающий Нукер, где верхом – по бастионам выброшенных льдин, а где и понизу – след в след за хозяином – первые пару километров ещё как-то ухитрился держать дистанцию. Но вот передовой в подступающей черед подлинно штормовых валов, едва-едва не нахлестав Груздеву полные сапоги, подхватил-завертел шенка и... – чудом иссяк под самой ледовой стенкой. Ростислав успел выхватить отчаянно заверещавшего собачонка из откатной струи и – с запоздалым стыдом! – ощутил под ладонью сплошную оторочку из мелких сосулечек по меховому обрамлению голенького шенячьего пузца... Остаток отчаянного путешествия Нукер, привычно завернутый в хозяйскую портянку, тугим и трепетным комочком живой плоти – но без единого звука! – провёл на дне походного рюкзака.

И тем приятнее было укрыться за ощутимо подрагивающими на бешеном ветру и всё-таки такими надёжными стенками кордона на Косе. И охватить оценивающим взором в его тамбуре порядочную поленницу из аккуратно распиленного и наколотого плавника – чувствовалась заботливая рука Пименовича! И обнаружить в подвешенном к потолочной балке – от грызунов – полотняном мешочке сухари, заварку, сахар, соль и сухие спички. А на пристенной полочке предусмотрительно оставленные им же самим при входе – банку сгущёнки и банку тушёнки. Согревшись едой и чаем, Груздев свил для обоих на просторных нарах из всех имеющихся на кордоне спальных мешков самое настоящее гнездо, устил себе под бочок почти высушенного и мирно посапывающего Нукера и... – пропурговал в полное своё удовольствие до следующего утра.

Г л а в а Ш Е С Т А Я

Зато на следующее утро непогоды как не бывало. Ни облачка, ласковое солнышко, безмятежная синь океана и – как единственное напоминание – лишь подновлённый снежок до боли слепит глаза.

Груздев спозаранку вывесил над кордоном сигнальную тряпицу, и не прошло и получаса, как Пименович с ветерком доставил их на свой берег. Лишь обменявшись двумя-тремя фразами со старым лесником, Ростислав вдруг обнаружил: что не общался с себе подобными целую неделю – и за это время собственный язык во рту стал каким-то чужим, негибким... Впрочем, по первости особенно и разговаривать было не о чем: с новостями и последними известиями у Киселёвых как всегда было туговато – Перевоз жил своим обособленным, замкнутым мирком.

Зато первым из жупановцев, встреченным им прямо возле своего дома, оказался Хохол:

– Привет! Ну и как, всех медведей пересчитал? Только пока ты там по лесам пересекаешь, здесь у нас намечается такое...

– Здорово! И какое оно такое? – Груздев враз весь подобрался и насторожился; поскольку по жизни от сидящего ежеутренне на радию начальничка можно было ожидать что угодно – причём как со знаком минус, так и в плюсах. Но на этот раз вид у Хохла был совсем уж интригующий, а посему его зам счёл за благо приготовиться не к самому для себя лучшему...

Выдержав приличествующую случаю паузу, Хохол тем не менее саму новость выпалил несвойственной ему скороговоркой:

– Невеста к тебе приезжает, вот что! С ближайшим попутным бортом из города. В общем, с тебя причитается, так сказать, за приятное известие...

– Какая невеста? – Груздев слишком уже притерпелся за год к месячным срокам прохождения и доставки адресованных им ли, к нему ли писем. Так что в его восприятии вариант с Маринкой пробрасывался чисто автоматически. И задав этот, по сути своей неуместный вопрос, он на деле лихорадочно прокручивал у себя в голове: какая из двух его бывших пассий из той, доисторической, геолого-геохимической жизни вдруг надумала сюда нагряться, да ещё и в качестве «его невесты»?

– Ну, уж это тебе виднее... У тебя их что, много? – раскрылся наконец-то Хохол. Вне сомнения, приняв по радиотелефону такое вот сообщение, он своему холостому заму поневоле позавидовал; а тут ещё ко всему в довершение – совершенно искреннее груздевское «какая»?

Из дальнейшего разговора выяснилось: что к нему в Петропавловск неожиданно припорхала невеста. Когда? Да ещё позавчера вечером – как раз перед самым циклоном успела проскочить! За неимением свободных мест в гостиницах города временно остановилась на квартире у главного лесничего (человека семейного и делающего свою служебную ставку на Ростислава). Как её зовут? Ну, уж это ему, Груздеву, виднее... Откуда прилетела? Кажется, из Владика.

И без того за неделю соскучившись по своему домику, Груздев, в свете предстоящего визита, хлопотал по хозяйству едва ли не с вдохновением. Перво-наперво хорошенько протопил печь, на разогретом припечке завёл дрожжевые хлебы, прошёлся по всем трём комнатам с влажной уборкой.

Он самоутверждающе наводил чистоту и порядок и одновременно терялся в сомнениях и догадках. Да, его Маринка, действительно, училась во Владивостоке. Но зато все последующие его построения в её пользу не имели под собой никакой реальной почвы... Ну, во-первых, его последнее письмо вылетело из Жупанова с погранцовским вертолётком ровно неделю тому назад. Допустим, чья-то участливая рука в тот же день опустила его в голубой почтовый ящик Петропавловска-Камчатского. И оно же было извлечено ею из своего подъездного пусть на четвёртый, да нет, у ж е н а т р е т и й день с момента отправки – ненаучная фантастика! Следующая натяжка: двадцатиднолетняя студентка Скормина Марина проживала на квартире у престарелой и очень дальней своей родственницы (всеми именуемой – бабушкой). При этом родители-сахалинцы откровенно балующие свою единственную дитятю и дорогими нарядами, и увесистыми продуктовыми посылками, именно по деньгам (и это было хорошо известно Груздеву!) держали её в большой строгости, если не в прямом утеснении. Бабушка же, со своей стороны, достойно, но так же очень скромно проживала на одну только вдовью

пенсию – по потере кормильца. Подводим черту: практически не располагающая свободными деньгами, к тому же с весенней сессией на носу Маринка буквально на следующий же день с момента получения его письма садится в самолёт. Вдобавок ко всему ещё и исхитрившись (за одни только сутки!) выправить себе в милиции пропуск на въезд в погранзону закрытой Камчатской области. Всего этого п р о с т о н е м о г л о б ы т ь!

Оставалось прикинуть альтернативные варианты. Не будучи влюблённым по уши, Ростислав никаких опрометчивых обещаний другим женщинам, в том числе и состоящим с ним в очень близких отношениях, – не давал! Иными словами, ещё одной официальной невесты во всей его предшествующей жизни попросту не просматривалось. И за весь последний камчатский год он и письма-то свои слал исключительно на адрес геологической партии, то есть всему народу в целом. Отвечали ему, правда, по очереди (но опять же от имени и по поручению всего коллектива!) две геологини, разведёнка и незамужняя, и с обеими – чего греха таить! – у него в своё время было. В общем, получалось: что одна из них с бухты-барухты (во всяком случае ни словом, ни намёком не упредив о том самого Груздева), да к тому же ещё и угробив на пролёт от Москвы до Камчатки не менее полутора месячных окладов... Короче, по собственному почину и за свои добралась до полуострова, где заявила напрямик в контору заповедника и для удобства и скорейшего достижения его, Груздева, назвалась евойной невестой (вот уж где народ оторвётся!). Что ж, и эта его версия на поверку выходила ничуть не меньше за уши притянутой, чем предыдущая...

И тем не менее, не иначе как в пику не сохранившей ему верности Маринке, он воочию представил себе сначала одну свою геологическую пассию и сразу же вслед за ней её предшественницу. Обе – высокие, фигуристые, по-спортивному ладные, одетые и подкрашенные так, как это во всём Советском Союзе умели – и могли это себе позволить – одни москвички. Он разглядывал их оценивающим мужским взглядом сначала – директора заповедника, затем главного лесничего и напоследок глазами Хохла, жизнеутверждающе почувствовав при этом: как его, груздевские, акции начинают явно играть на повышение!

Часть вторая

КАМЧАТСКАЯ ВЕСНА

Г л а в а С Е Д ь М А Я

На другой день вертолёт просто упал на Жупаново – с утра и внезапно. Груздев от самого рассвета держал ушки на макушке и бросился одеваться при первых же достоверных звуках... Но он только ещё лихорадочно натягивал сапоги на босу ногу, когда над вертолётной площадкой, расположенной в каких-нибудь ста пятидесяти метрах от его домика, натужно грохоча двигателями завис Ми-8. Одного намётанного взгляда на который было достаточно, чтобы определить: что, во-первых, он перегружен, а во-вторых, нацелен явно не на посёлок.

В самом деле, только для вида зацепившись посадочным шасси за снежный покров и даже не останавливая винтов, а лишь слегка сбросив с них обороты, экипаж уже отдраивал дверцу пассажирского салона. Из неё напрямик в снег сиганул невысокий и весь из себя основательный за счёт зимней меховой униформы борт-механик. Первым делом он расторопно принял из чьих-то рук ярко-жёлтый кожаный чемодан и аккуратно пристроил его у себя между ног. А вслед затем галантно попридержал под локоток, помогая ей слезать по трапику, длинноногую по-городскому одетую девушку с непокрытыми белокурыми волосами, враз заметавшимися под упругими воздушными струями. Маринка!

Не выпуская девушки из цепких рук, бортмеханик что-то строго прокричал было ринувшемуся к ним напролом Груздеву, но вертолётные лопасти со всё и вся перекрывающим визгом рубили воздух... Тогда, продолжая накрепко удерживать её одной левой, летун с помо-

щью правой воспроизвёл три весьма красноречивых жеста: постучал кулаком по собственному темечку, указал перстом на винты и энергично чиркнул ребром ладони себе по горлу.

После чего до Груздева дошло: что его, точнее, их обоих – а они были высокой парой – призывают остерегаться винтов. Он послушно пригнул голову и остаток дистанции проскочил на полусогнутых. Маринка глянула на него ошарашенно...

Молодые люди стояли обнявшись, слегка припорошённые по-утреннему сухой снежной пылью, ещё мгновение назад помогая друг другу удержаться под хлещущей бураном подъёмной струёю. Соединивший их борт уже целенаправленно закладывал вираж на север, а они, наконец-то, первый раз поцеловались.

Но даже и теперь то первое изумление в её широко распахнутых глазах, которое он было уже списал на вертолёт, на цепкую руку дотошного в соблюдении лётных правил бортмеханика и прочее, – не проходило!

И оставалось не без досады признать, что «всем прочим», по-видимому, и являлся он, Груздев, в нынешнем своём обличье. С запущенной в течение года (а волосатики семидесятых явно уже начинали выходить из моды) шевелюрой; с клочковатыми, неумелыми ножницами подправленными бородкой и усами; в наспех накинутой едва ли не на голое тело брезентухе... А ведь она знала и помнила его совсем иным: по-столичному приодетым, волосок к волоску в новоарбатовской «Чародейке» подстриженным, своеобразно элегантным – именно таким предстал перед нею год тому назад Ростислав Груздев, вознамерившись покорить и девушку, и Владивосток. И по меньшей мере, в первом, кажется, преуспел.

И вот сейчас по счастливому (счастливому ли?) своему обыкновению Ростислав вдруг обрёл возможность взглянуть на происходящее её глазами. Например, он не единожды живописал в своих письмах романтический домик над океаном. Но оттуда, где они в данный момент находились, до величественного вида на Тихий океан нужно было пробираться снежной целиной ещё шагов с полсотни, а она и без того безнадежно увязала на своих шпильках даже в хорошо утоптанном снегу. Зато с возвышенного местечка, где они сейчас стояли, открывался вполне панорамный обзор на бывший рыболовецкий посёлок Жупаново.

Селенье было официально ликвидировано, как неперспективное, лет семь тому назад. Правда, заповеднические до сих пор сохраняли (для себя!) в сравнительной неприкосновенности одну из центральных улиц бывшего Жупанова. Но зато в остальной его части они же первые и без зазрения совести из любого приглянувшегося им строения выхватывали что получше: выпиливали бензопилами стеной брус и половую доску, выламывали из всё ещё исправно несущих свою службу кровель шиферные листы, «с мясом» выворачивали ломом дверные и оконные блоки – загружали в вертолёты и отправляли на вроде бы благое дело, «на дальнейшее обустройство и развитие внутризаповедничкой сети лесничеств и кордонов». «До сэбя» с Жупанова также тащили: и местные погранцы, и метеослужба, и вояки-локаторщики с Горки. Так что с некоторых пор (и даже сами не заметив когда!) все они начали называть свой посёлок – «разбомблённым».

Прилёт всякого борта для местных старожилов являлся событием; и припозднившиеся заповеднические тем не менее один за другим к вертолётке подтягивались – поглазеть на «последние известия». Мужчины все поголовно в спортивных, одинаково пузырящихся на коленях трико, но зато по плечам и торсу – в боевых, заслуженных, выбеленных солнцем и пургами штормовках и ватниках. Во всём лесничестве так и не прорезалось своего общественного парикмахера; и шевелюры, усы и бороды у иных были запущены до дикости...

Рядышком со своими мужчинами вышагивали их женщины. А поскольку времечко было раннее и наново растопленные поутру печи ещё не успели толком прогреть жилищ, то платяев, халатиков и юбок не надевали ещё в принципе – дабы не рассекать по выстуженным за ночь горницам с голыми коленками. Так что те же трико, либо чёрные – форменные! – лесниковые брюки из драп-дерюжки, а на ком-то даже ватные штаны... Обуты опять же по сезону: в неимо-

верных размеров мужнины сапоги, валенки либо резиновые калошки. Из всего современного арсенала женской косметики (и это у самых продвинутых!) наспех накрашены губы.

Так что в ихних глазах его Маринка, разодетая как на приём, подкрашенная и на каблучках – выглядела штучкой. А ведь доселе в силу своей молодости, природной живости и умению себя подать – миниатюрная, от природы рыжеволосая, в миленьких конопушечках супруга Хохла по праву считалась в Жупанове одною из самых хорошеньких. Да-а, не привнесла с собою невеста мира в его и без неё натянутые служебные взаимоотношения...

Но всё это Груздеву ещё предстояло осмыслить, а покамест он, правой рукой заботливо придерживая свою спутницу, в левой нёс её невесомый игрушечный чемодан, прекрасно сознавая, что ничегошеньки в нём – нет! То есть с женской точки зрения в нём было всё – необходимое для недельной жизни с любимым в домике над океаном. Но у Груздева касательно её первого пребывания здесь уже давно были взлелеяны собственные планы: показать ей н а с т о я щ у ю Камчатку! Ведь за семидневный срок очень даже реально было пробежаться до тех же Горячих Ключей и не только до них одних. Но совершенно точно в её канареечно-жёлтой элегашке ни намёка хотя бы на спортивную, не говоря уж о походной, одежду и обувь. И как ему прикажете совместить свой разношенный сорок четвёртый с её тридцать восьмым?

Впрочем, вслух эту щекотливую тему не стоило даже затрагивать:

– Лучше расскажи, как тебе удалось всего за сутки и, не имея от меня вызова, пробить в милиции пропуск на Камчатку?

– А я его и не пробивала...

– ??

– Просто, когда я перекрасилась в блондинку, все в моей группе в один голос заутверждали, что я как сестра-двойняшка похожа на нашу Женьку. Ну, помнишь, я тебе про неё уже писала. Она моя новая подружка, а сама родом с Камчатки. Так вот, я на всю эту неделю просто одолжила у неё паспорт.

– Но-о, это же уголовно наказуемое деяние...

– Милый, в авиакассах, где бабы-кассирши так на тебя глазищами и зыркают, мне Женька сама по своему паспорту билет взяла. А в самолёте по прилёту в пункт назначения паспорта кто проверяет?

– Ну, кто-кто, пограничники, разумеется.

– Пра-а-вильно, такой молоденький, прыщеватенький, от сексуальной неудовлетворённости, пограничник. Сначала он смотрит на тебя пристально и при этом слегка краснеет, затем в паспорт, потом опять на тебя, а ты ему вот так, глазками...

– Чисто сработано! Женская логика! – Груздев был в неподдельном восхищении. Ибо глаза на лице у его Маринки являлись главной ударной силой: большие задумчиво-серые, с двумя парными по нижнему краю раяка озорными коричневатыми крапинками – сам он называл их «бесенятами».

– Ой, какие у тебя потолки закопчёные! – это они как раз вступили в груздевские апартаменты. – Ай, а это кто такое? Ты мне про него ни словечком не обмолвился в своём последнем письме. Какая прелесть!..

Заметно окрепший, подросший и прибавивший в весе за походную неделю Нукер азартно налетел на неё ещё на кухне, попытался было ухватиться зубишками за скользкий каблук, отпрянул и замер, приподняв переднюю лапку, изогнувшись слегка набок и что, есть мочи, работая хвостом. Она живо к нему принагнулась, опрокинула на спину, начала щеко-тать–тормозить–турсучить. Зверёныш, сколько было силы, от быстрых и ловких пальцев всеми четырьмя конечностями отбрыкивался, в голос рычал и окусывался, наконец, насилу от неё вырвался и, заложив уши, стремглав полетел прятаться под кровать в залу – его восторгу не было предела!

Да, животных она любит, этого у неё не отнимешь! Но по ходу обронённое ею замечание о закопчённых потолках – всё ещё язвило и жгло...

Ибо периодически чадаящая печь была в его домике ахиллесовой пятой. Груздев уже успел полюбить своё жилище первой любовью собственника. Высоко ценил также и печь – основательно и добротнo сложенную не известным ему предшественником: с четырьмя кирпичными дымоходами-колодцами, обогревающими большей своей площадью спальню, а меньшей – залу; с надёжно армированной уголковым сварным железом – на случай сильного землетрясения! – топкой. Но одна незадача: стоило ему отлучиться из дому на несколько дней кряду, как возродить огонь в очаге – через раз! – превращалось для Ростислава в муку мученическую. По наивности первые несколько месяцев своего жупановского житья новоиспечённый камчадал списывал всё на собственную несостоятельность как истопника, на низкое качества дров и прочая. Но однажды разговорившись о наболевшем с ребятами, сделал для себя небольшое открытие, что у всех так: с выстуженными колодцами и в штиль заново растапливаемая печь неизбежно будет чадить – поскольку первоначальную тягу в трубе создают либо «попутный» ветер, либо перепад температур. А то, что в иных домах потолки всегда белые, так это оттого, что там хозяйка хорошая имеется, которая не только лишний раз с побелкой по горнице пройдёт, но и – главное! – изо дня в день поддерживает тепло домашнего очага. Знала бы его Маринка, что закопчённые потолки – это наивернейший признак неразменного холостяцкого житья!

Тем не менее, популярно излагать ей прямо сейчас свой трактат о печах он не рискнул: поскольку, во-первых, вышло бы слишком длинно, а во-вторых, как будто он перед ней в чём-то оправдывается. А взамен начал исподволь, понемногу у невесты выпрашивать: кто или что её вдруг сподвинуло на такую скоропалительную и неожиданную (даже для неё самой) поездку?

Но разговоры разговорами, а дорогую гостью следовало прежде всего хорошенько накормить с дороги. Она же, видя, как Груздев ринулся накрывать на стол, первым делом попросила тёплой воды – ополоснуться, а ещё лучше принять душ, если, конечно, таковая возможность в доме у него имеется.

В ответ на её просьбу Ростислав торжественно водрузил на табурет в спальне громадный эмалированный таз и другой на полу для ног – поменьше, а также два полных ведра: одно с кипятком прямо с плиты и другое, из-под крана, с зубодробильно-ледяной водицей.

Вообще, живое и проточное водопроводное благо являлось главным козырем и одновременно достопримечательностью агонизирующего посёлка. Проложенные на глазок под естественные уклон народными умельцами магистральные водоводные трубы из верхового, искусственно подпруженного источника круглогодично снабжали всё Жупаново водою – великолепного качества и самотёком!

Но зато при таком изумительно налаженном водоснабжении во всём лесничестве – стыдно сказать! – не сумели сохранить ни одной мало-мальски приличной баньки. Год тому назад новоприбывший Груздев воспринял подобное положение вещей как личное оскорбление и как вызов. Клятвенно наобещал самому себе: что первым же его реальным камчатским свершением и будет – постройка бани! И даже прошлым летом выкопал и забутил для неё булыжником водосливную яму. Но на этом всё и заглохло за всевозможной текучкой. И последнее время он всё чаще ловил себя на мысли: что лично ему гораздо веселее, легче и вольготней – лишний раз прошвырнуться до Горячих Ключей. Разумеется, после её слов о душе Груздеву вновь и с прежней остротой сделалось стыдно, но вида он не подал. Она же, к его величайшему изумлению, приняла тазы и ведра не то что бы стоически, а вообще – безмятежно. Только и попросила его со значением:

– Чур, сюда не заглядывать. Готовится сюрприз!

Немного погодя Маринка вышла в эффектном, отделанном чёрным кружевом пеньюаре до пят. Нельзя сказать, чтобы уж совсем прозрачным, но и весьма непозвучно намекающем,

что под ним ничегошеньки нет. К столу присела также не на галантно подовинутый ей табурет, а напрямик к нему на колени. От такого пролога у Груздева перехватило дыхание, и так получилось, что за всё время совместного завтрака он с трудом пропихнул в себя два-три кусочка. Она же, напротив, откушала с отменным аппетитом.

Организованный им на скорую руку стол был незатейлив, но по-камчатски обилен. Свежеиспечённый и пышный белый хлеб, малосольная красная икра вволю, новозеландское сливочное масло (им в ту пору снабжали весь полуостров), бочкового посола кета-серебрянка, курящаяся парком разварная картошечка, маринованные подосиновики, мочёная брусника и перетёртая с сахаром чёрная смородина. И, что самое существенное, всё, кроме масла, исключительно собственноручными его трудами и стараниями.

Вот только налить к такой роскошной закуске было совсем нечего: груздевский привозной НЗ был израсходован где-то ещё при встрече Нового года, а Маринка захватить с собой просто не догадалась...

Итак, она не в пример ему решительно всё на столе перепробовала, вежливо нахваливая, но нажимала-то в основном на икру да на рыбку – сразу видать, сахалинка! И это обстоятельство почему-то его умилило.

Маринка же, утолив первый голод, вдруг застеснялась своего молодого и здорового аппетита. А Груздев был вновь захвачен радостью узнавания: их былые отношения изобиловали такими вот диссонансиками, когда она очень желала бы выглядеть в его глазах лучше, правильнее и воспитаннее, чем являлась на самом деле – его же, напротив, некоторая её угловатость, непосредственность, да и откровенная диковатость манер лишний раз забавляли, веселили и трогали.

– Ах, ты, моя островитяночка! – совсем как прежде прошептал он ей в самое ушко.

– Твоя! – она живо обернулась к нему – глаза в глаза – и соприкоснулась плотью зрачков.

Это прежняя его Маринка краснела, обижалась и смешно надувала губки в ответ на его «островитяночку». А сейчас уже самому Груздеву ничего иного не оставалось, как, подхватив её на руки, устремиться напрямик в спальню. Но и там новоявленная молодая женщина оказалась захватывающей во всех отношениях. Нет, не узнавал он свою Маринку, решительно не узнавал – и всё тут!

Но вот наступила развязка, и она, вновь напомнив себя былую, очень быстро и прямо у него на плече забылась в сладчайшей дреме. Он же привычно хранил её, а заодно пытался хоть немного разобраться в происходящем...

Самолёт, уносящий Груздева в новую жизнь, при очередной промежуточной посадке окончательно выбился из графика; и это при всём том, что даже согласно расписанию они должны были прибыть во Владивосток в двадцать три часа с копейками по местному. И когда в многолюдном и темноватом проходе малознакомого ему аэропорта она неожиданно отделилась от дававшей ей многочасовой уютной стенки и шагнула к нему навстречу, как бы выплывая из глубокой тени к свету – высокая темнобровая глазастая, в делающей её ещё выше стройнее и недосыгаемой роскошной и объёмистой шапке из чернобурки, у него враз отлегло от сердца: всё-таки дождалась!

Несмотря на столь поздний час, не спала и бабулька; и скромный гостевой стол в большой комнате стоял давно накрытым. Они чокнулись в ночи и за прилёт, и за знакомство, и за присутствующих здесь дам. После чего старая дуэнья проскрежетала значительно:

– Здесь, за все четыре года Маришкиной учёбы, посторонних мужчин и духу не было. Насчёт этого я – женщина старорежимная, строгая. Но ты мне сразу понравился. Да и внучка про тебя уже все уши мне прожужжала. Так что живите, молодые. Горько!

И вот они уже на её скрипучем диванчике через стенку от мерно покашливающей и при всём том, со слов Маринки, неизменно впадающей после двух-трёх рюмашек в непробудной крепости сон бабульки. Сам Груздев несмотря ни на преодолённое расстояние, ни на выпитое

не в одном глазу, впрочем, в его столичном временном поясе едва ли ещё и начало темнеть... Ну, и девушке, разумеется, не до сна; хотя и устала, и испереживалась, да и завтрашней утренней консультации в универе ей никто не отменял – сессия на носу!

Раздеть себя донага под покровом ночи Маринка позволила ему беспрепятственно – ведь именно на этом они и остановились во время её последнего приезда к нему в Подмосковье. Но зато дальше всё у них вновь пошло-поехало, как у героев-основателей из «Ста лет одиночества» Маркеса – этакое ночное перетягивание каната, когда силы у соперников примерно равны. Первым из игры выбыл Груздев: тяжело перекатился на спину на свой край раскладного диванчика и, заложив руки за голову, горько усмехнулся про себя в темноту, но вслух только и сказал примирительно:

– Спим! Тебе вставать через пару часов.

Но то же перетягивание каната, растянутое часа на три на немилосердно скрипучем ложе, да под астматично-бессонное покашливание (к тому же на этот раз не принявшей «снотворного») бабульки за тонюсенькой перегородкой произошло между ними и на следующую ночь.

На третью – изрядно измозолив в сопящей темноте о всё тот же канат руки! – Груздев попробовал завести с ней разговор на деликатную тему. И девушка, казалось бы, сразу пошла ему навстречу: да, она его любит, ему доверяет вполне и готова принадлежать и душой и телом. Нет, никакого предшествующего травмирующего сексуального опыта у неё не было, поскольку не было самих опытов...

Но при переходе от слов к делу всё повторялось опять, как в кошмарном сне. То есть она позволяла себя обнимать и целовать повсюду, постепенно раскрывалась ему навстречу, почти что допускала его к себе, но... – в самый последний миг! – непроизвольно совершала одно и то же, уже вполне отработанное ею движение тазом и бёдрами вбок и в сторону. Бедренные мышцы у неё – бегуньи-разрядницы на короткие дистанции – были настолько накачаны, что пробовать ломить силой на силу, не будучи откровенно с девушкой грубым, он едва ли бы сумел... Круг замкнулся.

И вот, в очередной раз за третью ночь перейдя от ласковых убеждающих слов к действию и вновь оставшись при своём, Ростислав откатился на край диванчика и под покровом темноты абсолютно беззвучно, по-мужски, крепко стиснув зубы, заплакал... – от сознания собственного бессилия. Для него уже стало очевидным: что она борется и отстаивает свою девственность на уровне подсознания. А раз так, то он не видел никакого реального выхода – как им обоим этот навязчивый страх преодолеть? К тому же и время начинало ощутимо его поджимать: ни по паспортно-пропускному режиму, ни по деньгам Груздев не мог себе позволить прогостить во Владивостоке – более одной недели.

Почувствовав себя виноватой, она придвинулась к нему, захотела приласкаться и, по-видимому, слегка промахнувшись в ночи, угодила своими ищущими губами не в губы, а прямоком в мокрую солоноватую дорожку в уголку его рта.

– Как? Ты плачешь?!

– А что мне ещё остаётся делать?

– Это для тебя так... важно?

– Для мужчины это всегда супер важно. А я в довершение ко всему ещё ни разу в жизни не имел дела, ну, ты понимаешь, с невинной девушкой...

– Ну, я не знаю. Ну, давай, знаешь что, давай, я всё попробую сделать сама...

– Давай! – им вдруг овладело вдохновение. В сущности, для них обоих это был последний шанс и единственный выход: – Прежде всего, убежим с этого треклятого дивана! – с этими словами Ростислав быстро вскочил сам, тут же помог и ей подняться и стать рядом, после чего одним мощным рывком сдёрнул на пол диванный матрасик вместе с простынёй, одеялом и подушками. – А теперь я просто ложусь на спину и ровным счётом ничего больше не предпринимаю. Ты же устраиваешься надо мной сверху и всё, понимаешь, всё прodelываешь сама.

– А разве так можно?

– Можно! И даже нужно, для нас обоих.

В ту незабываемую ночь она очень его любила и потому так старалась. Ростислав почти до самого конца выдерживал своё обещание о собственном невмешательстве, но в кульминационный момент обеими руками поймал её за ягодицы и властно притянул на себя. При этом его до глубины души поразило обилие холодного пота, струящегося по всему её телу – хотя в комнатке, а уж тем более на полу, было совсем не жарко. Она просто взмокла – от страха, боли же, по собственному её признанию, почти что и не почувствовала...

Груздев находил очень символичным: что физическое начало их любви было замешено на мужских слезах и девичьем поте – ибо обычно всё происходит с точностью до наоборот!

Он улетел на Камчатку через одиннадцать дней, если вести счёт с т о й и х н о ч и. Маринка оказалась прилежной ученицей; и всё это время они навёрстывали упущенное. Груздева в тогдашней ней особенно умиляли две её причуды: как оказалось, его красавица до слёз стеснялась каких-то там трёх волосинок, выросших у неё на теле якобы не в положенном месте, а посему все их без исключения любовные схватки и впредь происходили под охранительным покровом темноты и, разумеется, на полу. Так что Ростислав – к бурному Маринкину восторгу! – даже припомнил один давнишний общаговский прикол: «вести интенсивную половую жизнь».

Такою он её оставил, такую бережно и трепетно хранил в сердце своём весь этот год и, чего перед самим собой темнить, вот такой же – легкоуправляемой! – предпочитал бы обладать и в дальнейшем...

Но нынешняя его Маринка – при ярком свете весеннего денька – явилась в спальню к нему Афродитой. Разумеется, он был захвачен, ошеломлён, пленён, смят и откровенно залюбовался ею в самый разгар уже традиционного для них любовного действия, когда она скакала на нём амазонкой. Да и сейчас, когда безоглядно и бесстыдно обнажена – в хорошо протопленной спальне – сладко посапывала у него на плече. И после целого каскада небывалых для него впечатлений нынешний Груздев уже почти был согласен с тем, что современное её обличье равно и блестяще исполненная роль богини любви и красоты д л я е г о Маринки гораздо больше приличествует и идёт. Как медленно и верно осознавал также и то, что именно о т а к о й возлюбленной он мог лишь мечтать!

Да только вот плата за исполнение мечты вдруг оказалась для Ростислава – невероятно высока! Ведь Маринка прилетела сюда с одной-единственной целью: предложить новоявленную себя в обмен... – на его Камчатку! Конечно, к этому моменту в глубине души и сам Груздев уже знал наверное: какой выбор он сделает. Знал и, тем не менее, ещё совершенно не был к нему готов...

И на фоне только ещё предстоящего ему выбора весь этот шитый белыми нитками заговор двух женщин: а, как оказалось, именно растревоженная испереживавшаяся вконец бабулька – ведь ушедшая в загул Маринка две ночи кряду дому не ночевала! Итак, он уже выяснил, что никто иная как бабулька буквально принудила его невесту написать, а – главное! – отправить Груздеву покаянное письмо. А в ответ на эпистолярное же его прощение попросту выпихнула красотку к нему на Камчатку и даже деньгами её на дорогу снабдила – из своих заветных старушечьих, гробовых. И под занавес, хотя вот эту подробность он так до конца для себя и не прояснил: но, вероятнее всего, опять же с подачи и по наущению вездесущей бабульки Маринка заявила к нему сюда, в Жупановскую тьму-таракань, вовсе без противозачаточных...

И он вновь поймал себя на мысли: что все эти закулисные ходы двух милых его сердцу дам он понимает и принимает вполне, все – кроме одного! Ну какая, спрашивается, из его Маринки сейчас мамаша, когда ей ещё самой нянька нужна? Да и, положила руку на сердце, он к этому шагу тоже ещё не готов, пока...

Что ж, те сладкие одиннадцать владивостокских ночей они продержались исключительно методом прерванного сношения. Значит, и эту часть обоюдной ноши он привычно вскинет на себя одного.

И уж сам неудержимо проваливаясь в блаженную дрёму, расплылся в улыбке, припомнив последнюю – из числа привезённых Маринкой – хохмочку. Дескать, ежели у них с ребёнком вдруг получится, то она, бабулька, комнату и впредь им (причём за ту же символическую плату!) сдавать обещает. Но только при одном неременном условии: что он, Груздев, устраивается на работу в Приморгеологию по специальности – геохимиком. Очень много она понимает в геохимии – бабулька!

Г л а в а В О С Ь М А Я

Без малого сутки они не вылезали из постели: то есть просыпались-выпрыгивали из сна обоюдно или поодиночке – всякий раз обязательно! – занимались любовью, плескались во вмещающем их обоих знаменитом тазу, проскальзывали нагишом на кухню и съедали там по бутерброду с красной икрой, бросали лакомый кусочек недоумевающему Нукеру (с таким беспределом, как беспробудно дрыхнувший посреди погожего весеннего денька хозяин, псишка столкнулся впервые в жизни!) пили с привезённым ею шоколадом чай или кофе – от души протопленная высушенными до звонкости пластинами из каменной берёзы печь сначала на плите, а затем и в духовке держала ведерной ёмкости чайник в самоварной готовности! Вот сейчас Груздев гордился – и своим жилищем, и своей печкой.

В очередной раз он очнулся от сна в тот неповторимый трепетный миг, когда ночи как таковой вроде бы уже нет, но и рассвет никак ещё себя не проявляет, побренчал туалетным ведром на кухне, глянул за окошко спросонья: там всё как-то сплошняком серело – неопределённо и мутно. И ещё подумал: «Надо же, как нам обоим повезло с вчерашним бортом!» Ведь такой скучноватый невнятно-серый рассвет вновь вполне мог оказаться прологом к очередному погодному переполоху.

Подумал, зевнул и с чувством исполненного долга вновь прибил к шелковистому и нагретому Маришкиному бочку – дозаривать.

Окончательно и бесповоротно проснулся часа через два; уже довольно высокое и щедрое солнышко снисходительно заглядывало к ним в спальню. Груздев встал во весь свой рост, сладко потянулся и... – аж полуприсел от неожиданности! – за окошком серело! Вот так, полусогнувшись, недоверчиво повернул голову вверх и несколько набок – чистое небо и яркое солнце! – выпрямился – серым-серо! На крыльцо вылетел едва ли не голышом – настолько был ошарашен... И всё-таки первой, спасительно-охранительной мыслью было: «Никак Алик Лыжин, подлец, с утра пораньше решил печку почистить!».

Его единственный ближайший сосед по Заповедной улице – все прочие дома окрест стояли заколоченными – лесник Алик Лыжин занимал с семьёй длинное одноэтажное здание бывшей поселковой больнички от Груздева через дорогу наискосок, но при этом их крылечки смотрели прямо друг на друга. Так вот, и крылечки, и сама дорога, и крыши домов, да и всё вокруг – насколько хватало глаз! – поверх неистребимых камчатских снегов было как бы печной золой притрушено; вот только с таким объёмом – десятку, сотне, тысяче Аликов Лыжиных не справиться!

Следующей груздевской мыслью было: «Тогда, значит, Карымский!».

Трудяга-вулкан Карымская сопка располагался километрах в сорока к западу от Жупанова таким образом, что с той же вертолётки самая его маковка хорошо просматривалась. То плотные – хоть пощупай! – сажисто-серые облака пепловых выбросов, то более разреженные и светлых оттенков фумарольные извержения (фумаролы – смесь вулканических газов и водяных паров) предупредительными флагами были навешены над его жерлом едва ли не каждую неделю. Раз в несколько месяцев полы в груздевском домике вдруг начинали мелко подра-

гивать; бревенчатой вязки углы старчески покряхтывать; а через еле заметные глазу щёлки в потолке с шлакозасыпного чердака сеялась тончайшая пыль – землетрясение в три-четыре балла, сфокусированное опять же под массивом Карымского.

Ко всей этой его деятельности в посёлке если и не привыкли, то притерпелись вполне – во всяком случае именно Карымского не особенно и опасались, исходя из житейски мудрого рассуждения: раз вулкан постоянно активен, то и разряжается понемногу – не копит в своих недрах разрушительного магматического подпора. Иное дело – Везувий! Спал себе, спал несколько веков подряд – трах-бах! – и археологический памятник в виде Помпеи!..

Но сейчас над Карымской сопкой – всего-навсего – зависло этакое невинное с виду, изжелта-белое фумарольное облачко. Так, значит, и не Карымский вовсе... Но тогда – что? Требовалось немедленно разузнать последние известия! И поскольку утренний сеанс радиосвязи по заповеднику он безнадежно проспал, то оставалось повыспросить у более обязательных. Вон, кстати, и Алик Лыжин повдоль Заповедной улице вышагивает – как раз от здания радиостанции по направлению к собственному дому.

Груздев заскочил к себе, наскоро доделся и вновь вылетел как раз соседу навстречу:

– Привет!

– Привет, молодожёну! Как спалось-почивалось?

– Спасибо, недурственно. Ты мне лучше толком объясни – вот это всё откуда?

– Алаид ебанул!

– Алаид?! Что-то не припоминаю вулкана с подобным названием? Да, точно, нет такого на Камчатке...

– А он и не на Камчатке вовсе, а на Северных Курилах! До нас вёрст триста с лихуем. А вот до Питера – в сравнении с нами – километров на сто двадцать поближе выйдет. Дак, горожане сегодня утром на работу идут – радист вот только что рассказывал, – так то и дело с плеч, с голов пепел у себя стряхивают. А у баб городских шапки и воротники богатые, всё больше соболя да песок, а пепел острый, в меху застревает, ворсинки стрижёт. Так визг, ругань, мат бабий стоят – до небес!

Насчёт визга и мата бабьего, может, и приукрасил чуток, но уж в чём-чём, а в мехах Алик знал толк – как-никак лучший в лесничестве охотник!

Вообще, по наблюдениям Груздева, на всех обитателей Жупанова пеплопад оказал оживляющее, возбуждающее, в чём-то даже тонизирующее воздействие. Немногочисленный люд по посёлку как-то враз заходил-засновал-забегал, совсем как в успешно перезимовавшем муравейнике на весеннем припеке...

Завязтого скептика всё бы это потянуло объяснить «снисходительно-пси-хологически»: мол, позасиделись-позалежались за долгую-долгую зиму, а тут пусть небольшое, но событие!

Пожалуй, и сам Ростислав ещё прошлой весной мог бы довольствоваться точно таким приземлённым толкованием, низводящим всю неимоверную сложность запущенного извержением общепланетарного процесса в прокрустово ложе ведомых и видимых нам причинно-следственных связей. Но нынешнему ему уже блазились: тайные токи, скрытые силы, первобытные флюиды животворящей мощи, истекающие из приоткрывшихся вдруг пор молодой, девственно подрагивающей под ногами земли; вздрогнуло-стронулось где-то там за триста вёрст под Алаидом, а здесь у нас – отозвалось да откликнулось!

В любом случае именно с этого утра весна начала продвигаться по Камчатке семимильными шагами. Тот же эффект искусственно ускоряемого снеготаяния от разбросанной рачительным дачником по собственным грядкам печной золы – только в масштабах всего полуострова! Заповедные фенологи, знай, успевали себе фиксировать: одно-двух и даже трёхнедельное опережение сроков массового схода снежного покрова, вылета первых бабочек, проклёвывания травянистой зелени, а в конечном итоге – и листораспускания.

Но всё это будет. А покамест Груздев возвратился к себе в спальню; Маринка, уютившись калачиком на излюбленном правом боку, блаженно посапывала в сладком полуобмороке девичьего заревого сна – как будто во внешнем мире ровным счётом ничего не произошло! Как, впрочем, дрых и он сам не далее, чем каких-нибудь двадцать минут тому назад...

Его подружка на удивление легко и бесконфликтно выныривала из самого завлекательного своего сновидения; но зато вытащить её из тёплой постели поутру в дни выходных и каникул представлялось задачей – прямо скажем! – не из простых. Груздев осторожно пристроился на корточках у самого края кровати, быстрым и решительным движением раскрыл бугор одеяла в наиболее выпуклой его части и с намеренным замедлением прошёлся своими холодноватыми с утреннего морозца губами по пленительно надвинутой на нижнюю верхней половинке женского задка, а в довершение ко всему ещё и подул...

– Ой, замерзаю! – Маринка быстро поджала под себя ноги – отчего вид сделался ещё пленительнее! – но тут же накрыла всё это великолепие одеялом, да ещё и подоткнула его под себя, для пущей надёжности...

– Пока ты тут дрыхнешь без задних ног, на дворе происходит та-а-кое!

– Какое? – на Груздева тут же уставились два широко распахнутых глаза: воистину женское любопытство по своей подъёмной силе сопоставимо со стартовым ракетным двигателем.

Он не стал её и дальше заинтриговывать, а подробно и толково всё рассказал: и про пеплопад, и про рассерженных городских баб, и про Алаид. По ходу изложения они вместе подходили к окошку и даже на крылечко выскакивали – дабы и глазами посмотреть и руками потрогать.

– А это не опасно? А если вдруг цунами придёт? Помнишь, как здесь перехлёстывало в начале пятидесятых? Сам же со слов старожилов в письмах описывал.

– Вот, погляди, – Груздев достал с книжной полки внушительных размеров географический атлас. – Остров Атласова с вулканом Алаид на нём расположен у самого окончания нашего полуострова, причём уж скорее с западной, нежели с восточной его части. А сильное цунами вкруголя не пройдёт, в этом я тебе, как геолог, ручаюсь. Ну, а на слабое – с высоты нашего обрыва! – интересно будет и поглазеть.

– Ну, раз это серьёзной опасности не представляет, тогда пойдём окуней ловить!

– Каких ещё окуней? – как человек, родившийся и выросший в европейской части, Груздев, призванный здесь из рыбалки в рыбалку выуживать только лососей, одних лишь лососей и ничего, кроме лососей, по бойкому окунёвому клёву на обыкновенную поплавочную удочку в тихой речной заводи, сплошь заросшей кувшинками, сильно соскучился. – Нет, на Камчатке, Маринка, окуней и в принципе быть не может! Ты что-то путаешь...

– Но как же, Ростя?! Ты ведь сам восторженно рассказывал в своём самом первом письме отсюда – между прочим, ровно год тому назад! – как вы ловили окуней прямо с мыса у метеостанции. И ещё, как ты все свои крупные крючки до единого проудил. Вот я их тебе и привезла...

– А-а, так это ты про морских окуней речи со мной ведёшь, так бы сразу и сказала! А ну-ка, покажь крючки!

Здесьняя разновидность прибрежного окуня-терпуга шла на нерест в конце апреля – начале мая. Как и у большинства хищников икромет сопровождался активным жором; рыбины жадно хватили любую животную наживку, в том числе и свеженарубленные кусочки себе подобных. Вообще, лов был крайне примитивен, но добычлив; и единственным условием, ограничивающим жупановский весенний окунёвый промысел, были крючки да лесы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.